

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес редакции: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес издателя: 191181,
Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/rd5n-gg2k-hduk

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIX • 2026 • № 1

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,*
доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат*
филологических наук (Россия)

М. А. Козинцев, *помощник секретаря,*
кандидат исторических наук (Россия)

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*

А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*

Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*

Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*

И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН*
(Россия)

Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*

В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*

Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук*
(Монголия)

С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*

К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*

М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*

Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук*
(Монголия)

Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор*
(Россия)

С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*

Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*

Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*

Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – И. В. Кульганек, Д. А. Носов

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 15.03.2026

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».

Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
лит. А, офис 14.

e-mail: info@litobook.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2026

© Коллектив авторов, 2026

В НОМЕРЕ:

ФИЛОЛОГИЯ

- И. В. Кульганек.** Монгольские песни из дневника Н. Н. Шнитникова 1895 года
(по материалам архива востоковедов ИВР РАН)..... 5

ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

- Оюундалай.** «Новая политика» Цинской империи и Монголия:
кризис управления пограничными территориями на рубеже XIX–XX вв. 18
- А. С. Сараев.** Происхождение тюркоязычия в представлении
советских историков-кочевниковедов..... 28

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

- И. А. Алимов.** «Дун Цзин Мэн Хуа Лу»: все внутренние и внешние приказы..... 56
- Ю. А. Иоаннесян.** Концепция вечно пребывающего в мире
«Доказательства Божьего» в исламе 64

ПЕРЕВОДЫ

- Р. В. Ивлева.** Сэнгийн Эрдэнэ. Дзанабадзар 73

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. В. Федорова.** Выставка «Источник Святого Учения»
в Российском этнографическом музее..... 93

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191181, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIX • 2026 • No. 1

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Cand. Sci. (History), Russian Federation*

G. Bilguudei. *Dr. Sci. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *Dr. Sci., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand. Sci. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *Dr. Sci. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*

I. V. Zaytsev. *Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

IN THIS ISSUE:

PHILOLOGY

- Irina V. Kulganek.** Mongolian Songs from Nikolai N. Shnitnikov's Diary (1895)
Kept at the Archives of Orientalists of the IOM RAS..... 5

HISTORY. HISTORIOGRAPHY

- Wuyundalai.** "New Policy" Of The Qing Empire and Mongolia: the Crisis of Border
Territory Governance at the Turn of the 19th–20th Centuries..... 18
- Andrey S. Saraev.** The Origin of the Turkic Languages According
to the Soviet Historians of the Nomadism..... 28

RELATED DISCIPLINES

- Igor A. Alimov.** «Dong Jing Meng Hua Lu»: All Internal and External Departments..... 56
- Youli A. Ioannesyan.** The Islamic Concept of the Ever-Present
"Proof of God" in the World..... 64

TRANSLATIONS

- Regina V. Ivleva.** *Sengiin Erdene*. Dsanabadsar 73

ACADEMIC LIFE

- Marina V. Fedorova.** The Exhibition «Source of Holy Teaching»
in the Russian museum of Ethnography 93

А. С. САРАЕВ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЮРКОЯЗЫЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ-КОЧЕВНИКОВЕДОВ

В статье предпринята попытка выявить общую концептуальную основу во взглядах на происхождение тюркоязычия среди историков-кочевниковедов в 1930–1940-е годы (С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, Л. Н. Гумилев, С. В. Киселев). Их представления объединяет признание «конвергентного» происхождения тюркских языков как результата контактов европеоидов-динлинов и протомонголов на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Такой подход нельзя напрямую соотнести ни с «алтайской теорией», ни с «новым учением о языке» Н. Я. Марра. Здесь на первое место выдвинут исторический контекст — исходная неоднородность антропологического состава тюрков и невозможность признать ни один из древнейших тюркоязычных народов общим предком всех остальных. Ключом к выявлению всей группы взглядов стала «Схема генеалогического древа тюрков до V в. н. э.» из книги Л. Н. Гумилева «Хунну» (М., 1960), а также рукописные материалы из архива музея-квартиры Л. Н. Гумилева. Прослежено развитие подобных взглядов в работах историков-кочевниковедов вплоть до современности.

Ключевые слова: тюркоязычие, алтайская теория, протомонголы, динлины, яфетическая теория, Л. Н. Гумилев, С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, Л. П. Потапов.

Об авторе: САРАЕВ Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Россия, Чебоксары) (andrejsaraev@yandex.ru). ORCID: 0009-0005-4564-0903.

© Сараев А. С., 2026

Проблема происхождения тюркоязычия

Тюрки (как народ или группа народов) и тюркоязычие — не одно и то же. Происхождение языка («глоттогония») — сугубо лингвистическая проблема и должна решаться, в первую очередь, средствами лингвистики [Владимирцов, 1929. С. 4–5]. Однако дописменные языки вне среды своих носителей не существуют, поэтому для выявления каких-либо фактов об их прошлом сами лингвисты вынуждены прибегать к методам исторических наук. В результате, сообщения нарративных источников о том или ином тюркском народе приравниваются к фактам о языке этого народа (что не всегда верно, хотя бы в силу неполноты источников), и даже разделение тюркских языков пытаются датировать по хроникам вплоть до десятилетия и даже года [Мудрак, 2002. С. 729–737].

Изучение заимствований в языках также невозможно без понимания реалий политических, экономических и культурных контактов в

прошлом [Дыбо, 2007. С. 3–9]. Иногда такие контакты и выявляются только в результате лингвистического анализа, на чем в значительной степени построена индоевропеистика и особенно «ностратика».

Если обращение лингвистов к материалам смежных наук объяснимо, то также объяснимо и обращение историков к данным языкознания. Конечно, не для всех разделов истории и языкознания ситуация одинаковая. Историческая глубина индоевропейских и афразийских языков такова, что никаких письменных свидетельств об эпохах их сложения быть просто не могло. Здесь лингвистика опирается лишь на археологию или полемизирует с ней [Алпатов, 2011. С. 30; Шнирельман, 2016].

Не таково положение тюркских и монгольских языков. Сведения о народах, предположительно говоривших на этих языках, появляются на страницах источников гораздо раньше, чем первые письменные фиксации самих тюркских и монгольских языков. При этом наиболее

ранние тюрко- и монголоязычные письменные памятники демонстрируют уже сложившиеся литературные нормы, что, однако, никак не отражено в свидетельствах истории [Кляшторный, 1983. С. 114–115].

В свое время Б. Я. Владимирцов констатировал, что «мы не знаем, как, где и когда началась письменность у монголов, какое из монгольских племен первое увидело у себя письмо на родном языке» [Владимирцов, 1920. С. 93].

По мнению И. В. Кормушина, общетюркское наддиалектное койне, зафиксированное орхонскими надписями VIII в., должно было иметь длительную историю развития [Кормушин, 2020]. Однако еще А. Н. Кононов признавал несоответствие фактов лингвистики и истории в применении к руническим текстам: «Тюркские племена... представляли собою зыбкие военно-политические объединения, которые так же быстро складывались, как и скоротечно распадались. При подобных исторических условиях... не могло быть и речи о едином разговорном древнетюркском языке» [Кононов, 1980. С. 40].

Таким образом, проблема согласования исторических и языковых данных возникала всякий раз при обращении лингвистов к истории тюрко-монгольских народов: данные языков указывали на куда большую древность в сравнении с данными исторических источников¹.

Сформулированная к началу XX в. «алтайская теория», казалось бы, снимала остроту вопроса: языки всех центральноазиатских кочевников объединялись в единую языковую семью. Если к этому добавить представление об урало-алтайском родстве, то окажется, что любые гипотезы о языковой принадлежности кочевников Евразии никогда не выходили за рамки единого научного поля [Баскаков, 1981. С. 6–8].

И все же подобная генерализация никогда не удовлетворяла исследователей [Алпатов,

¹ Впрочем, имеется и обратный пример. Согласно исследованию Е. А. Кузьменкова, все ныне существующие монгольские языки сложились на базе языка «Сокровенного сказания», т. е. не имеют предков древнее начала XIII в. [Кузьменков, 1993. С. 339–340]. Вывод, основанный на изучении базисной лексики, поставил самого автора в тупик, поскольку, по собственному признанию, ряд языков он прежде считал куда более древними.

2011]². Только с антиалтаистских позиций, и лишь в самое последнее время, сделана попытка определить и разграничить понятия «прототюркок» и «пратюркок»: «Под термином *прототюркское состояние* предлагается понимать тюркскую этнолингвокультурную общность до ее первичного распада на две ветви — *праогузскую* и *праогурскую*, а под *пратюркской общностью*, следовательно, — *праогузскую* ветвь до начала ее распада на классификационные группы — *огузскую*, *карлукско-кыпчакскую*, *сибирскую* и проч.» [Егоров, 2025. С. 15].

В рамках алтайской теории вопрос о происхождении тюркоязычия и монголоязычия отдельно друг от друга даже не ставился. Однако факты истории явно свидетельствуют, что предполагаемые тюркоязычные (до собственно «тюркок») народы вышли на арену истории раньше монголов и значительно раньше тунгусо-маньчжуров. Поэтому неизбежно вставали вопросы: была ли когда-то единая протоалтайская среда, или же тюркоязычная и монголоязычные среды изначально существовали друг от друга отдельно? кто был первым тюркоязычным народом и был ли, вообще, таковой? могло ли сразу возникнуть несколько тюркоязычных этносов без единого предка?

«Генеалогическое древо тюркок»

Классификаций, в том числе графических, отражающих тот или иной подход к тюркским языкам, много³. На общем их фоне несомненный интерес вызывает «Схема генеалогического древа тюркок до V века н. э.», опубликованная в качестве приложения к книге Л. Н. Гумилева «Хунну» [Гумилев, 1960. С. 285] (*Рис. 1*). По времени своего выхода она должна быть признана одной из наиболее ранних попыток графиче-

² Неполная доказанность алтайского родства вынуждено на протяжении десятилетий констатируется даже в энциклопедических статьях [Поцелуевский, 1970. С. 460; Дыбо, 2005б. С. 519–520], а урало-алтайское родство скорее опровергается, причем типичными антиалтаистскими аргументами о «сходной среде обитания» народов и их «многочисленных контактах на разных хронологических уровнях» [Дыбо, 2005а. С. 526].

³ Несколько новых примеров классификаций см.: [Мудрак, 2002. С. 735; Дыбо, 2007. С. 64; Сто языков, 2018. С. 9].

СХЕМА ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА ТЮРОК ДО V ВЕКА Н.Э

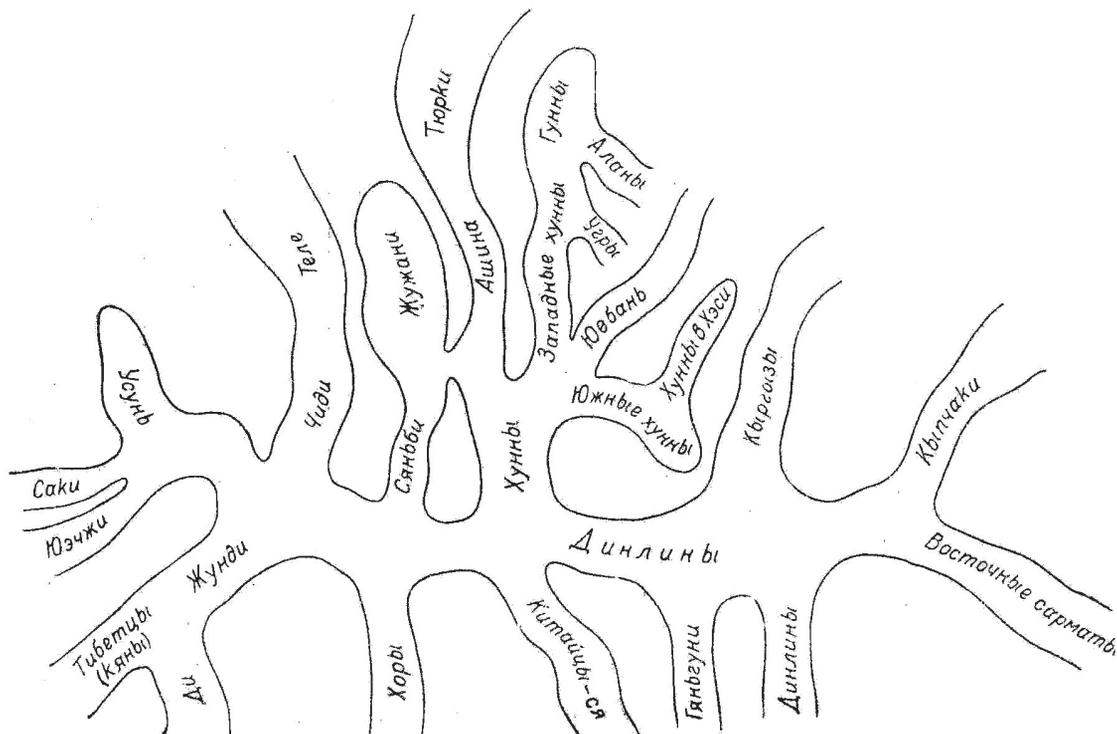

Рис. 1. Схема Л. Н. Гумилева из приложения к монографии «Хунну» [Гумилев, 1960. С. 285]

ского отображения тюркского этнолингвистического родства.

Однако кроме своего названия схема не содержит никакого комментария⁴. Не упоминается она и в основном тексте книги. Также не помогает расшифровке схемы кандидатская диссертация Л. Н. Гумилева (защищена в 1948 г.). В ней от выяснения происхождения тюркоязычия автор просто дистанцировался: «При современном состоянии наших знаний вряд ли возможно дать удовлетворительную концепцию тюркского этногенеза. Но это и не входит в нашу задачу» [Гумилев, 1947. С. 8]⁵.

⁴ Если не считать таковым дефиницию из словаря этнонимов: «Тюрки — понятие исключительно лингвистическое: группа разнообразных племен и народов, говорящих на сходных языках. Расового или этнического единства в этой группе нет» [Гумилев, 1960. С. 251]. Это определение схеме не противоречит, но и ее своеобразия не объясняет.

⁵ Переплетенный машинописный текст кандидатской диссертации хранится в музее-квартире Л. Н. Гумилева (шифр: «Музей А. А. Ахматовой. КП 18497»). Речь идет именно об «общетюркском» этногенезе, поскольку происхождение народа «тюрк» в диссертации разбирается обстоятельно (о чем подробнее см. ниже).

Насколько можно судить, схема ни разу не получила печатного отклика⁶. Лишь однажды она была упомянута в письме Г. В. Вернадского к П. Н. Савицкому: «Таблицы шаньюев и гуньмо — превосходны, а в генеалогическом древе тюрков я как-то еще не вполне разобрался» [Письма, 2009. С. 128].

Действительно, схема вовсе не кажется простой для понимания. Так, среди корней этого условного древа не указано ни одного даже гипотетически тюркоязычного этноса, но зато есть ирано-, монголо-, китае- и тибетоязычные народы. Ствол представлен динлинами — субстратом, язык которого неизвестен, но почему-то должен был сыграть решающую роль в возникновении тюркоязычия. Для племенной группы теле таким же субстратом указаны жуны и ди, чей язык, подобно динлинскому, неизвестен, а также ираноязычные саки и юэчжи.

⁶ Критика «Хунну» свелась, главным образом, к обсуждению качества переводов с китайского и неизбежной в условиях того времени дискуссии об общественном строе кочевников [Гумилев, 2012. С. 221–286, 918–925].

Из всех народов основного ствола тюркоязычны только теле, и то потому, что считаются прямыми предками уйгуров. Наконец, в числе предков европейских гуннов, указаны угры и аланы. Поскольку ни те, ни другие однозначно не тюрки, значит, собственно хуннов, еще до их миграции на запад, Л. Н. Гумилев считал тюрками по языку. О тюркоязычии хуннов и теле говорится и в основном тексте книги [Гумилев, 1960. С. 49].

Верхние закругленные ветви — «тупики». Это народы, сошедшие с исторической сцены в течение V в. (гунны, южные хунны, усунь) или несколько позже (жужани, связь которых с аварами Гумилев отрицал [Артамонов, 1962. С. 106–107, примеч. 13]).

Только верхние открытые ветви показывают этносы, в тюркоязычии которых значимых сомнений нет: теле, юебань⁷, кыргызы и кыпчаки.

Судя по расположению собственно тюркских ветвей, отходящих каждая независимо от общего ствола, Л. Н. Гумилев не предполагал для тюркоязычных народов ни какого-то одного общего предка, ни даже близкого родства.

Следовательно, в схеме в предельно лаконичной форме заключена собственная концепция Л. Н. Гумилева, по непонятной причине не изложенная в основном тексте книги «Хунну». Она явно отличается как от взглядов «алтаистов», так и их противников, представляя собой взгляд историка-кочевниковеда на процессы глоттогонии в Центральной Азии в древности.

В качестве сравнения можно привести две схемы, составленные в те же годы лингвистом-тюркологом Н. А. Баскаковым. Первая — широко известная «Общая схема развития тюркских языков» [Баскаков, 1960.

Прилож. 2]⁸. В ней тюркские языки показаны как часть алтайской семьи, а собственно тюркской генеалогии предшествует этап «тюркско-монгольского» единства. Другая — «Схема родственных связей тюркских племен» (Рис. 2) — представляет скорее антиалтаистский взгляд: «тюркско-монгольской» общности уже нет, а есть исходные «древние огурские племена тюрков», которые лишь декоративно причислены к «алтайской общности» [Баскаков, 1964. С. 3]. Фактически же все тюркские языки выведены строго из одного «огурского» корня (даже этноним «кыргызы» этимологизирован через «огур/огуз») и замкнуты на себя [Сараев, 2016. С. 142–143]. Никакой алтайский контекст здесь уже не нужен.

Если профессионал-лингвист мог почти одновременно представить две полярные генеалогические схемы тюркских языков⁹, нет ничего удивительного, что историк-кочевниковед Л. Н. Гумилев опубликовал свою авторскую схему, также принципиально отличную от существовавших в то время классификаций, как в смысле графического оформления, так и содержательно.

Сам внешний вид схемы заставляет отодвинуть истоки ее образа, по крайней мере, на три десятилетия ранее издания «Хунну». Поиск любых аналогий¹⁰ неизбежно упирается в схему Н. Я. Марра, составленную в 1920-е годы для описания человеческого языка в целом. Схема в публикации снабжена подробным комментарием [Марр, 1936. С. 195] (Рис. 3).

Н. Я. Марр, которого трудно заподозрить в последовательности взглядов, в данной схеме выступил как убежденный урало-алтаист и индоевропеист, что, конечно, не мешало ему в других работах брать в кавычки «индоевропейские» языки и проводить аналогии между лидийским языком и современным турецким [Марр, 1934. С. 18].

⁷ Согласно Гумилеву, юебань — среднеазиатская ветвь «малосильных хуннов» [Гумилев, 1960. С. 237, 252], имевшая продолжение в кимаках [Гумилев, 1967. С. 380–381; Гумилев, 1970. С. 95], тюрках-шато [Гумилев, 1967. С. 213–214; Гумилев, 1970. С. 59] и онгутах [Гумилев, 1970. С. 104]. Симптоматично, что содержание даже части схемы раскрывается по публикациям, вышедшим значительно позже ее обнародования.

⁸ Монографии Л. Н. Гумилева и Н. А. Баскакова вышли практически одновременно в одном издательстве, что исключает возможность их взаимовлияния. «Тюркские языки» подписаны в печать 16.02.1960, «Хунну» — 28.03.1960.

⁹ Н. А. Баскаков представил еще ряд схем, но снова в духе алтаистики [Баскаков, 1981. С. 14, 18–19].

¹⁰ О том, какие графические варианты лингвистических классификаций бытовали в период научного становления Л. Н. Гумилева, см.: [Шор, 1928. С. 502–504].

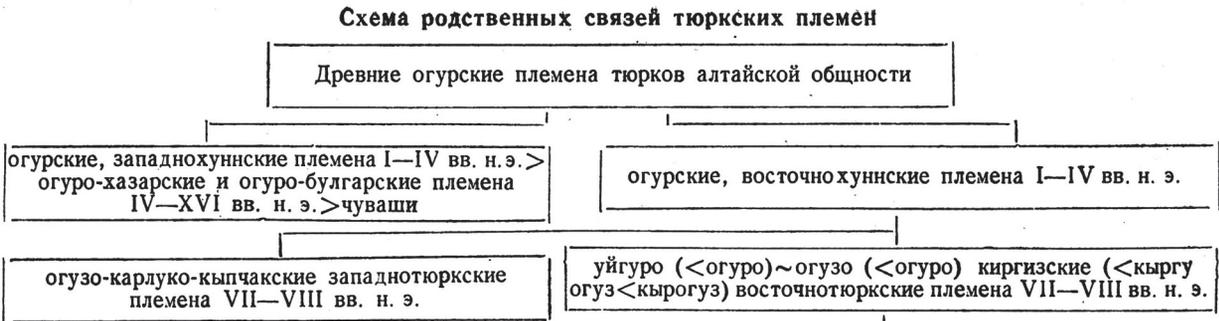

Рис. 2. «Антиалтайская» схема Н. А. Баскакова (часть).

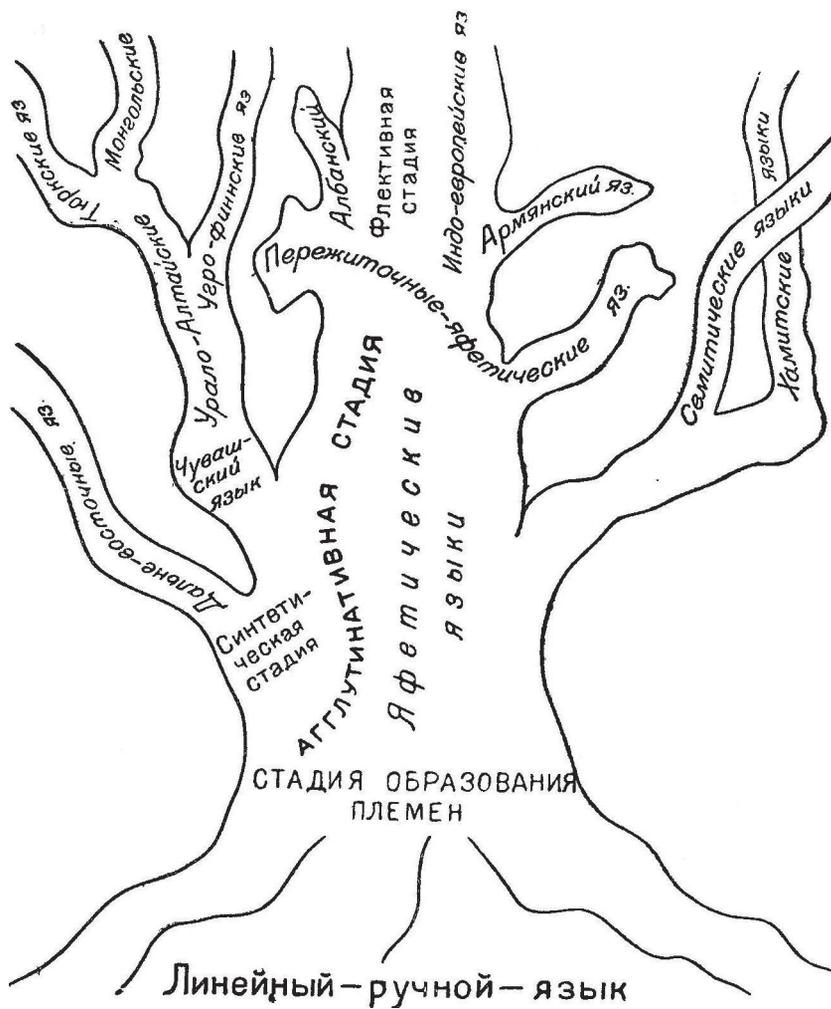

Рис. 3. Схема развития человеческого языка по Н. Я. Марру.

Примечательно, что вскоре после смерти Н. Я. Марра появилось исследование, специально посвященное графическим схемам в его работах и главным образом — приведенной схеме развития человеческого языка [Худяков, 1935]. Что важно, эта схема не только в части урало-алтайского ствола, но и во всей своей структуре признается еще не вполне «марристской», подходящей скорее на традиционные для индоевропейистики «деревья», а с этим сходством, по мнению автора статьи, всячески следовало бороться [Там же. С. 31].

Тезис М. Г. Худякова об отличии марровского учения и, соответственно, его графического представления, от индоевропейских схем принципиален для всей рассматриваемой далее здесь проблематики: «Основное положение, против которого направлено построение Н. Я. Марра, — теория индоевропейской лингвистики о праязыке (*Ursprache*), от которого „произошло“ все конкретное разнообразие человеческой речи исключительно путем расхождения признаков. В противоположность этому, Н. Я. Марр подчеркнул другую сторону диалектического процесса, которая в конечном счете оказывается ведущей... Это — *процесс интеграции*, основным моментом в котором является *скрепление языков* (курсив в цитате мой. — А. С.)...» [Худяков, 1935. С. 33–34].

Актуальность тематики «глотогонических деревьев» в 20–30-е годы XX в. для советской гуманитарной науки не могла не сказаться не только на прямых последователях и умеренных сторонниках Н. Я. Марра, но и на его противниках (в то время, по большей части, скрытых), поскольку все учение «марризма» создавало информационный фон, избежать воздействия которого было практически невозможно. Л. Н. Гумилев, поступивший в год смерти Н. Я. Марра на исторический факультет Ленинградского университета, попал в самую гущу дискуссионного поля вокруг марровских идей [Пиотровский, 1995. С. 89–91, 117, 120], особенно актуальных для археологов и лингвистов-тюркологов [Александр Николаевич Самойлович, 2008. С. 534–539].

Неопубликованная концепция Л. Н. Гумилева

Концепция, графическим оформлением которой стало генеалогическое древо, может быть достоверно восстановлена по рукописям Л. Н. Гумилева.

Среди разрозненных папок лагерной рукописи 1953–1956 гг., часть которых составила монографию «Хунну», находятся такие фрагменты, которые появились в печати значительно позже 1960 г. [Сараев, 2012б. С. 501–502]; некоторые же так и остались неопубликованными. Интересующие нас тексты относятся к числу последних.

Первый такой фрагмент символично озаглавлен «Золотой осадок» (*Рис. 4*)¹¹ и представляет собой послесловие к анализу динлинской гипотезы Г. Е. Грумм-Гржимайло, не вошедшее в опубликованную позднее статью [Гумилев, 1959]. Второй фрагмент, завершающий главу о древней истории Средней Азии, называется «Языки и народы»¹².

На основе указанных фрагментов концепция генеалогического древа тюрков реконструируется следующим образом.

В первом фрагменте Гумилев поставил задачу: «Но был ли заимствован тюркский язык, связывавший в единый комплекс дили и северных динлинов? Если он был заимствован, то от кого? Где эти пратюрки? На этот вопрос динлинская теория ответа не дает, молчаливо предполагая, что был монголоидный пратюркский народ, с которым смешались динлины. Такое предположение было естественным 40 лет назад, но теперь мы знаем, что тюрки —

¹¹ Входит в состав рукописи «Древняя история Серединой Азии. Глава „Интерлюдия. Среди неясного и нерешенного. Ди и Динлины“». Рукопись датирована февралем 1955 г. Все папки с рукописями хранятся в архиве музея-квартиры Л. Н. Гумилева. Ссылки на листы рукописи даны в тексте.

¹² Параграф «Этногенез», пункт «б) Языки и народы» входит в состав рукописи «История Серединой в связи с историей сопредельных стран. Часть I, глава IV „Среди неясного и нерешенного. Скифия и Туран“». Рукопись не датирована. Вариативность основного заглавия на разных папках демонстрирует, очевидно, эволюцию взглядов Л. Н. Гумилева.

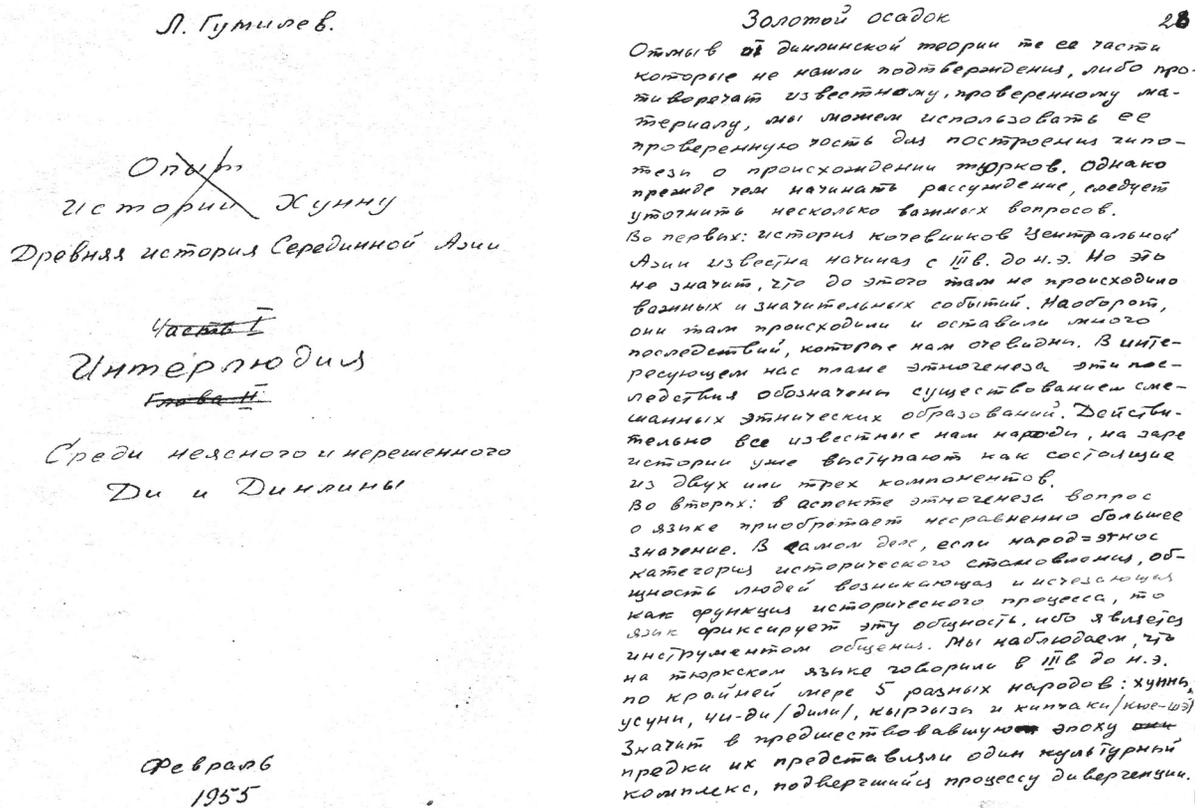

Рис. 4. Параграф «Золотой осадок»

понятие исключительно лингвистическое, а динлины — антропологическое¹³ и, следовательно, оба понятия несоизмеримы. Проблема тюрчизма требует особого разбора и... органически связана с проблемой происхождения монголов» («Интерлюдия. Среди неясного и нерешенного. Ди и Динлины». Л. 19)¹⁴. «Отмыв от динлинской теории те ее части, которые не нашли подтверждения..., мы можем использовать ее проверенную часть для построения гипотезы о происхождении тюрков» («Интерлюдия. Среди неясного и нерешенного. Ди и Динлины», параграф «Золотой осадок». Л. 26).

Развивает формулировку отрывков из второго фрагмента: «Если по данным антропологии мы не можем судить о древних народах, а <можем судить> лишь о компонентах, их слагавших, то языки и их семьи дают основания

для суждений о народах, т. к. сходство корней и грамматического строя есть след былого этнического единства» («Языки и народы». Л. 4) (Рис. 5).

Гумилев определяет число первоначальных тюркоязычных этносов равным пяти: «Мы наблюдаем, что на тюркском языке говорили в III в. до н. э. по крайней мере 5 разных народов: хунны, усунь, чи-ди (дили), кыргызы и кипчаки (кюе-шэ). Значит, в предшествующую эпоху предки их представляли один культурный комплекс, подвергшийся процессу дивергенции» («Золотой осадок». Л. 26).

Именно в последнем пункте Гумилев вступил в полемику с марризмом — в первую очередь, с концепцией «скрещения», которую М. Г. Худяков, как следует из приведенной выше цитаты, считал важнейшей для генеалогического древа языков Н. Я. Марра.

В противоположность представлению о распаде языка-предка на ряд родственных языков марристы провозгласили обратное — слияние изначально неродственных языков в один, не

¹³ Вслед за Грумм-Гржимайло динлинов (также жунов и ди/дили) Гумилев считал европеоидами.

¹⁴ Фрагмент в состав параграфа «Золотой осадок» не входит, но имеет с ним единую нумерацию листов, которая в рамках всей главы сбивчива.

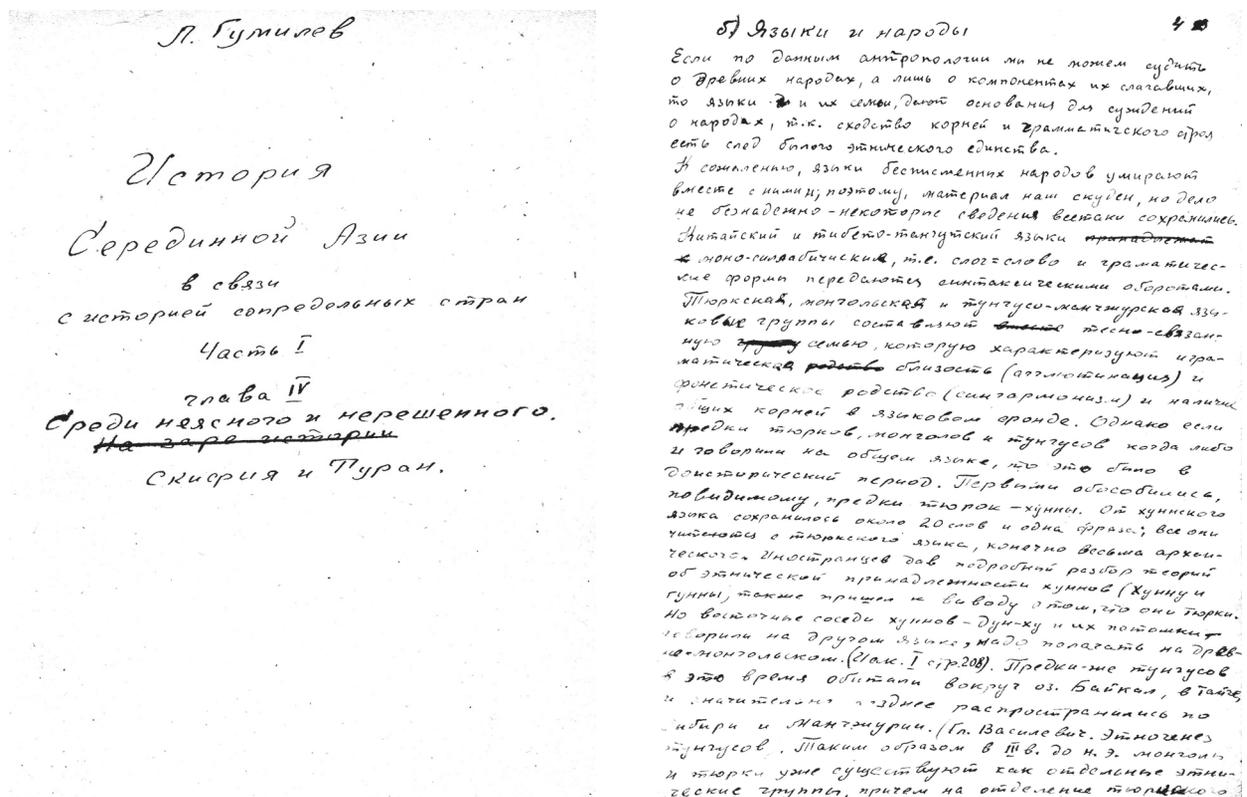

Рис. 5. Параграф «Языки и народы»

похожий на своих предков. Ср.: [Скрещение, 1956. С. 267; Алпатов, 2013. С. 193–194]. Гумилев на это возражал: «Мы не можем допустить обратного, процесса конвергенции (т. е. скрещения. — А. С.), ибо в условиях натурального хозяйства для распространения языка есть только один путь — завоевание и навязывание побежденным языка победителя. Однако, существование огромной империи от Желтой реки до Золотых гор в I <тысячелетии> до н. э. не могло пройти незамеченным ни для греков, ни для китайцев, а они таковой не знают» (глава «Интерлюдия», параграф «Золотой осадок». Л. 27).

Там же Гумилев высказался еще об одном важнейшем элементе «нового учения о языке» Н. Я. Марра — концепции «стадиальности»: «Трактовать же тюркский язык как стадию развития, при которой „тяньшаньские саки переоформляются в тюрков, а припамирские в иранцев“ (ссылка на дискуссию вокруг «Очерка истории гуннов» А.Н. Бернштама. — А. С.), могут только последователи Н. Я. Марра, с

коими диспутировать не только бесполезно, но наипаче унизительно» («Золотой осадок». Л. 27).

Ключевым понятием своей концепции Гумилев называет важнейший и для «марризма» термин «глоттогенез»: «...неожиданную остроту приобретает проблема глоттогенеза, т. е. откуда взялся тюркский язык, получивший столь широкое распространение в столь ранний период?» («Золотой осадок». Л. 27).

Дальнейшая цепь рассуждений восстанавливается следующим образом: «Тюркский язык по грамматическому строю и словарному фонду тождествен с монгольским, но по словарному составу¹⁵ и фонетике весьма с ним различен. Как сие могло случиться и нет ли где-либо аналогичной ситуации?» («Золотой осадок». Л. 27). «Тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языковые группы составляют тесно связанную семью, которую характеризуют и грамматическая близость (аг-

¹⁵ Вероятно, под «словарным составом» имеется в виду морфологический состав слов.

глютинация) и фонетическое родство (сингармонизм) и наличие общих корней в языковом фонде. Однако если предки тюрков, монголов и тунгусов когда-либо и говорили на общем языке, то это было в доисторический период («Языки и народы». Л. 4).

Из приведенных отрывков следует, что также на концепцию Гумилева безусловное влияние оказала алтайская теория. Однако, как уже говорилось, она не дает прямого ответа на вопрос, каким был механизм оформления тюркоязычия. Гумилев попытался такой ответ дать. Он полагал, что первыми из алтайского языкового единства выделились хунны и говорили они уже на тюркском языке, хотя и архаичном: «Первыми обособились, по-видимому, предки тюрков — хунны. От хуннского языка сохранилось около 20 слов и одна фраза; все они читаются с тюркского языка, конечно, весьма архаического. <...> Таким образом, в III в. до н. э. монголы и тюрки уже существуют как отдельные этнические группы...» («Языки и народы». Л. 4).

Что же заставило алтайские языки разделиться? Гумилев выдвигает следующую версию: «...на отделение тюркского языка, очевидно, повлияло тесное общение и даже слияние (курсив мой. — А. С.) первичного языкового слоя с динлинами и их языковым сознанием; к сожалению, язык динлинов абсолютно неизвестен» («Языки и народы». Л. 4–5).

Казалось бы, вывод парадоксален, о чем уже говорилось при описании генеалогического древа: если язык динлинов совершенно неизвестен, как можно ему приписывать решающую роль в формировании тюркоязычия? Дело в том, что Гумилев исходил из представления, которое активнее всего в 20–30-е годы XX в. разрабатывал Н. Н. Поппе. Согласно ему, монгольские языки в сравнении с тюркскими (за исключением чувашского) несут в себе более архаичные черты, поэтому праалтайский язык был ближе именно к монгольским [Поппе, 1925а. С. 7–8, 30–31; Поппе, 1925б. С. 425–426]. Особую архаичность раннего литературного языка монголов подчеркивал и Б. Я. Владимирцов: «...облик этого письменного языка... настолько архаичен, что он оказывается пред-

ставителем более древнего периода развития монгольского языка, чем самые старые монгольские наречия» [Владимирцов, 1929. С. 19].

Вот как это положение развивает Гумилев: «...тюркский язык монгольский по основе, но не монгольский по стихии языка. Напрашивается мысль, что все вышеперечисленные народы (хунны, кыргызы, кыпчаки. — А. С.) возникли из слияния монгольского и динлинского компонентов. Язык, на котором объяснялись монголы с динлинами, получил новое качество — стал тем, который мы называем тюркским. В процессе дальнейшего развития монголо-динлины разошлись по окраинам Великой Степи. Находясь в изоляции один от другого, диалекты племен стали языками: хуннским, усуньским, кыргызским и уйгурским; возможно были еще какие-нибудь мелкие <языки>, о которых сведений не сохранилось» («Золотой осадок». Л. 28).

«Теперь обратимся к самим монголам. Китайцы называли северных кочевников ху — 湖 иероглиф... передает самоназвание-этноним древних монголов — хор (ссылка на Г. Е. Грумм-Гржимайло. — А. С.). Сяньби, ухуань — суть географические прозвища хорских племен, которых китайцы объединяли под названием дун-ху, т. е. восточные хоры. Западные назывались просто ху, и под ними понимались тюркоязычные народы, в том числе хунны. И так, для Сыма Цяня родство тюрков и монголов было подразумевавшимся, а различие их очевидным. Народы, не затронутые монгольским влиянием, напр<имер>, кыргызов, китайцы не называли ху¹⁶. Таким образом, предлагаемая гипотеза происхождения тюрков, т. е. тюркоязычия, находит подтверждение в древнекитайском употреблении термина. Получается, что от<ец> Иакинф был не так уж неправ, считая хуннов монголами; монгольский элемент в них не только присутствовал, но,

¹⁶ Примечание Л. Н. Гумилева: «Скрещение енисейских кыргызов с монголоидами гяньгунь произошло после смерти Сыма Цяня в историческое время». Значит, «скрещение» монголов и динлинов происходило не единожды, но получался все равно тюркский язык. Это положение важно для сравнения концепции Гумилева с другими рассматриваемыми ниже.

возможно, доминировал»¹⁷ («Золотой осадок». Л. 29).

Итак, согласно взглядам Л. Н. Гумилева, не сохранившийся динлинский язык повлиял на исходно монголоязычную среду древнейших кочевников (ху/хоров), в результате чего возникли тюркские языки.

Это и есть концептуальная основа схемы, опубликованной в монографии «Хунну».

Фактически Л. Н. Гумилев попытался объединить алтайскую теорию в том виде, в каком он ее усвоил в 1930-е годы (распад праалтайского языка на три ветви при большей архаичности монгольских языков) с марровской концепцией скрещения языков (тюркоязычие возникло в результате взаимодействия «монголоязычных» праалтайцев с европеоидами-динлинами).

Гумилев не мог не понимать, что, даже демонстративно абстрагируясь от марризма, он пришел к «марроподобной» концепции. Чтобы обосновать принципиально иной ее характер, он решил прибегнуть к аналогии. Задавшись вопросом: «нет ли где-либо аналогичной ситуации», он тут же ответил: «Есть, в средневековой Европе! Галло-римляне говорили на латинском языке с флексией и простым прошедшим временем. Франки употребляли артикль и сложное прошедшее. Обе системы языкового мышления были абсолютно чужды друг другу, но случилось так, что франки и галло-римляне были вынуждены ежеминутно общаться. В результате получился французский язык, имеющий франкский грамматический строй, латинский словарь и галльскую фонетику. Этот процесс нельзя назвать скрещением, тут рождение нового качества путем

диалектического развития» («Золотой осадок». Л. 27–28)¹⁸.

Подводя итоги своим размышлениям, Гумилев еще раз акцентировал внимание на противоположности своей концепции марризму (и конкретно взглядам А. Н. Бернштама — в аспекте «стадиальности»), усилив это еще и противопоставлением пантюркизму: «Предлагаемая гипотеза, помимо полного соответствия с известным науке фактическим материалом позволяет отбросить как пантюркистское представление о «турецкой расе» и о «пранароде турк», так и марристский взгляд, согласно которому тюрки были стадией в развитии центрально-азиатских кочевников, причем с этой точки зрения непонятно, почему часть кочевников эту стадию миновала, став монголами или тангутами» («Золотой осадок». Л. 29).

Если опровержение «стадиальности» выглядит убедительно, то отмежеваться от концепции «скрещения», пожалуй, у него так и не получилось. Вероятно, понимание этого стало одной из главных причин, почему вся концепция, несмотря на несомненную важность попытки объяснить происхождение тюркоязычия, так и осталась на разрозненных страницах рукописи.

Историографические корни «генеалогического древа тюрков»

Если Л. Н. Гумилев на рубеже 1950–1960-х годов отказался от обнаружения своей концепции, чем она может быть интересна теперь?

Помимо того, что иллюстрирующая концепция схема все-таки была опубликована, у нас достаточно оснований считать, что и сама концепция не плод мысли лишь одного автора. По всей видимости, перед нами синтез идей,

¹⁷ Последнюю фразу Л. Н. Гумилев отдельно от остального текста опубликовал: «...мы имеем право констатировать, что Иакинф Бичурин не был полностью неправ. Тюрки VI в. ...это сложносоставной народ, сложившийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина... и тюркоязычного населения Большого Алтая» [Гумилев, 1961. С. 105]. В «Хунну» вариант этой фразы подан полемически: «Опубликование Бичуриным китайских источников открыло блестящую эпоху русско-востоковедения, хотя некоторые его взгляды и соображения и не подтвердились полностью (например, его мнение, что хунны были монголы)» [Гумилев, 1960. С. 8].

¹⁸ Эта аналогия также не пропала даром. Л. Н. Гумилев вернулся к примеру с французским языком в лекциях, записанных в конце 1980-х годов на ленинградском телевидении: «Но так как местных жителей было гораздо больше, то господские дети из замков вынуждены были... выучивать латинские слова. Но они, правда, придали им свою грамматику... Они ввели артикль, но только артикль не немецкий — „der“ и „das“, а латинский — „le“, и „la“ для женского рода. Затем они ввели сложное прошедшее время, но опять-таки на латинской основе» [Гумилев, 2007. С. 462].

распространенных в 30–40-е годы XX в., но не нашедших достаточно четкого отражения в печати. При этом отголоски подобных взглядов разбросаны по научной литературе вплоть до современности.

В первой половине XX в. и помимо марровского «нового учения о языке» выдвигалось немало оригинальных языковых теорий. Впоследствии подавляющая их часть оказалась отброшена, но в момент своего выдвижения они маргинальными не считались.

В 1940 г. в русском переводе опубликована статья чехословацкого ассириолога Бедржиха (Фридриха) Грозного с изложением общей концепции этно- и глоттогенеза на Древнем Востоке. Грозный присоединился к распространенному в то время представлению о родстве шумерского языка с тюркскими¹⁹, но в отличие от Марра не считал шумерский («субарейский») язык предком тюркских.

Напротив, по его мнению, шумерский язык — результат *синтеза* между индоевропейскими и тюркскими языками. Причем форма обоснования данного тезиса удивительно похожа на гумилевскую из рукописи: «Шумерийский язык содержит, с одной стороны, некоторые алтайские и тюрко-татарские черты (например, агглютинацию и склонность к гармонии гласных), с другой стороны — некоторые индоевропейские черты (например, в местоимениях). Кажется, что шумерский язык является смесью индоевропейских и тюрко-татарских элементов в их еще очень примитивной, зачаточной форме» [Грозный, 1940. С. 43].

Еще раньше, до начала активной разработки «алтайской теории», о смешанном характере уже монгольского языка высказывался Б. Я. Владимирцов: «Пока остается открытым вопрос о монгольском праязыке и об отношении его к пратурецкому. Но, я думаю, уже теперь возможно поставить вопрос, не является

ли монгольский язык — языком мешанным...» [Владимирцов, 2005б. С. 55]. Направление влияния языков в сравнении с концепцией Гумилева обратное, но идея в основе та же.

Есть и более близкие примеры. В первую очередь следует обратить внимание на главного оппонента Л. Н. Гумилева в 1930–1950-х годах — А. Н. Бернштама. С самых ранних своих статей 1930-х годов Бернштам последовательно придерживался марристовской концепции «стадиальности», с которой, как показано выше, и полемизировал в рукописи Гумилев. С другой стороны, уже в статье «Происхождение тюрков» Бернштам столкнулся с очевидной сложностью идентификации тюрков по разным признакам — языковому и этническому: «В самом деле, если мы попытаемся связать термин „тюрк“ с каким-нибудь племенем, то это нам не удастся сделать, так как племена выступают под какими-нибудь другими, совершенно определенными терминами...» [Бернштам, 1935. С. 46].

Рассматривая особенности якутского языка, Бернштам называет его «конгломеративным», унаследовавшим это свойство от гуннского: «...не вошедшая в первый этап феодализации (турецкий) якутская часть гуннского субстрата сохранила все черты, присущие гуннам в целом. Одной из характерных черт мы считаем многоязычность последних (турко-монголо-финнизм), давшую конгломеративный якутский язык» [Бернштам, 1935. С. 53].

Наиболее полно идея «конгломеративности», уже в отношении всех тюркских языков, получила воплощение в статье 1947 г. (на основе доклада, сделанного во время эвакуации в Ташкенте в 1942 г.) [Бернштам, 1947. С. 148].

Большая часть статьи написана в духе «стадиальности». При этом удивительно, что как бы вторым фоном через всю статью проходит иная концепция. Ключевым ее элементом оказываются динлины, причем возникают они в тексте довольно неожиданно. Пояснение, кто это такие («динлины — европеоиды Енисея и Алтая, памиро-ферганский тип усуней на Тянь-Шане» [Бернштам, 1947. С. 153]), дано лишь через две страницы после их первого упоминания [Там же. С. 150].

¹⁹ Например, Поль Пеллио, оценивая попытки установить связь между цивилизацией Хараппы и Шумером, писал: «Исследование Высокой Азии не может пренебрегать этими открытиями, поскольку неоднократно шумерам пытались присвоить „алтайское“ родство. Однако момент еще не пришел, чтобы об этом высказаться определенно...» [Pelliot, 1931. С. 4].

Процитируем наиболее характерные фрагменты тюркско-динлинской концепции А. Н. Бернштама:

«...тюркоязычный гуннский племенной союз как древнейшее проявление тюркского этногенеза есть результат сложных и длительных процессов. Во-первых, это результат расщепления динлинского слоя и выделения кочевников от земледельцев. Во-вторых, это процесс скрещения выделившихся кочевников с монголоидными, тунгусо-маньчжурскими племенами» [Бернштам, 1947. С. 150–151].

«В результате синтеза динлинского пласта яфетического слоя с кочевыми центральноазиатскими племенами явилось создание тюркских племен южной Сибири и Семиречья. Роль центральноазиатских племен в этом процессе выявляется как элемент ускорителя. Мы подчеркиваем — как ускорителя, ибо спонтанное развитие динлинской группы племен, как показывает археологический материал, приводит к формированию тюркских племен и в том случае, если пути развития связаны только с кочевым хозяйством местных племен. <...> Характерно, что всюду, где мы впоследствии фиксируем тюркские народности, первоначально был динлинский слой племен... Тюркский этногенез, совпадающий по времени с вторжением гуннов и сяньби, вначале вносит в эту среду монголоидные элементы, которые кажутся диковинными на фоне европеоидного типа динлин. С победой же тюркского этногенеза эти европеоидные черты, наоборот, становятся странными в массе тюркского населения» [Бернштам, 1947. С. 153].

«Вышеизложенное позволяет сформулировать ряд общих положений: 1. Тюркский этногенез — результат развития динлинского слоя племен, протекающий в условиях кочевого скотоводства. Оформление тюркских племен происходит в условиях скрещения с центрально-азиатским компонентом, североазиатским по своему происхождению. Время: от начала III тысячелетия до н. э. вплоть до начала нашей эры» [Бернштам, 1947. С. 158].

Следует иметь в виду, что процитированные здесь фрагменты даны в соответствии с реконструированной выше концепцией Гумилева, с

которой они чрезвычайно близки по смыслу. Если не знать содержания последней, из статьи Бернштама было бы сложно вычленить самостоятельную идею о монголо-динлинском «скрещении», давшем тюркские языки, совершенно отличную от концепции «стадиальности», с которой она соседствует на одних и тех же страницах.

В связи с этим полемика Гумилева (в рукописи) с Бернштамом приобретает иное звучание. Опровергая стадиальный подход, Гумилев лишь дистанцировался от того, с чем был принципиально не согласен, но в рамках *общего концептуального поля*. В остальном, единственное отличие двух концепций сводилось к тому, что Гумилев предполагал исходное смешение монголов и динлинов и затем расщепление этого единства на различные тюркские языки (хотя, учитывая приведенный пример с кыргызами, не до конца последовательно). Согласно же Бернштаму, тюркские языки возникли всякий раз при контактах монголов и тунгусо-маньчжуров с динлинами, т. е. независимо друг от друга.

Таким образом, рукописи Л. Н. Гумилева и опубликованная им схема оказываются ключом к пониманию идей его коллег и оппонентов, во все не очевидных при суммарном восприятии работ 1930–1940-х годов как следующих в общем русле марристской методологии.

Проверим, насколько этот ключ действен в отношении работ других исследователей.

Вместе со статьей А. Н. Бернштама в выпуске «Советской этнографии» за 1947 г. опубликованы тезисы доклада С. П. Толстова «Аральский узел этногонического процесса», озвученного на той же сессии 1942 г. в Ташкенте [Сессия, 1947. С. 301]. Процитируем один из финальных пунктов: «...наиболее приспособленными к функциям межплеменной коммуникации в условиях подвижных кочевых политических объединений оказываются языки сингармонически-агглютинирующего типа. Их роль особенно повышается в связи с втягиванием в эти процессы народов более глубинных областей северной и северо-восточной Азии... Процесс этот, выступающий с особой силой в событиях II в. до н. э. — IV в. н. э., приво-

дит в конечном счете к формированию на базе скрещения протоугорских языков Казахстана, динлинских языков южной Сибири, гуннских языков Монголии с яфетическими и палеоиндоевропейскими языками Средней Азии тюркской системы языков...» [Толстов, 1947. С. 310].

Можно смело утверждать, что в максимальном сжатом виде здесь представлено пояснение к генеалогическому древу тюрков: как слагаемые будущих тюрков присутствуют не только гунны и динлины, но также угры и индоевропейские народы; верхняя хронологическая граница также практически совпадает. В рукописном изложении концепции Гумилев аналогичным образом специально подчеркивает агглютинацию и сингармонизм тюркских языков. Случайность совпадений при таком их количестве исключена.

Среди работ С. П. Толстова можно найти и более раннюю, где выражен взгляд о «конгломеративном» характере тюркских языков. В статье 1938 г., подобно А. Н. Бернштаму, он определяет тюркские и иранские языки лишь как последовательные стадии развития одной и той же яфетической основы [Толстов, 1938. С. 202–203]. В то же время для «тюркской системы» языков рассматривается еще один путь сложения: «В условиях обширных кочевых империй III в. до н. э. — VIII в. н. э., являвшихся многоязычными конгломератами разнообразных племен, это направление развития было наиболее естественным. В естественно слагающихся межплеменных арго этих империй мы и должны искать зародыши тюркской системы, творчески переработавшей разнообразный лингвистический материал» [Там же. С. 203].

Получается, уже в конце 1930-х годов С. П. Толстов пытался выйти за пределы графического применения стадильной концепции. Тезисы 1942 г. демонстрируют дальнейшее изменение его позиции. При декларативном признании «стадильности» фактически эту концепцию он отверг: «...теория Н. Я. Марра свелась в социологической концепции стадильной трансформации языков к общей формулировке тезиса о „единстве глоттогонического процесса“, без вскрытия его конкретно-исторического содержания, и к критике теории праязыка и прародины. Принимая це-

ликом эту критическую и социологическую стороны..., мы не можем, однако, этим удовлетвориться» [Толстов, 1947. С. 309].

Более того, С. П. Толстов прямо представил свою концепцию «аральского узла этногенеза» не только как развитие идей Н. Я. Марра, но и как их синтез с идеями Бедржиха Грозного: «Опыт дешифровки Б. Грозным мохенджодарских иероглифов привел его... к новому выдвиганию Средней Азии на роль древнего... узла в процессе индоевропейского этно- и глоттогенеза. Яфетическая теория Н. Я. Марра поставила по-новому проблему этногенеза и индоевропейцев и урало-алтайцев, сняв старые дискуссии о локализации индоевропейской и урало-алтайской прародины» [Толстов, 1947. С. 309].

То, что идеи о «конгломеративном» происхождении тюркоязычия «бродили» по коридорам научных учреждений Ленинграда еще в середине 1930-х годов, прямо подтверждает статья крупнейшего лингвиста-тюрколога того времени А. Н. Самойловича. Написанная для Сибирской советской энциклопедии статья «Турки. Турецкие языки» (опубликована впервые в 1989 г.) указывает на знакомство автора с тем же кругом идей, хотя и не содержит полного эквивалента рассматриваемой здесь концепции: «Первым из турецких народов Сибири, возникшим из смешения палеоазиатов динлинов (в публикации без дефиса. — А. С.) с турками, упоминаются в истории кыргызы под различными китайскими именами...» [Александр Николаевич Самойлович, 2008. С. 501].

Впрочем, одним Ленинградом и средой востоковедов распространение идеи о роли динлинов в формировании тюркоязычия не ограничилось. Это подтверждает вышедшая в 1949 г. монография московского археолога-сибироведа С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири»: «В Минусинском крае европеоиды долихо- и брахикраны, а также отмеченный с карасукского времени северокитайский компонент, вместе с проникновением с I в. до н. э. монголоидности образовали тот субстрат, на котором вырос древнекыргызский физический тип. На Алтае в формировании тюрков с V–IV вв. до н. э., наряду с древним европеоидным, участвует монголоидный компонент, наличие кото-

рого становится в начале нашей эры особенно ощутительным. Кроме того, здесь должны быть отмечены маньчжурские черты... Отмечаемая сложность этногенетического процесса сопровождалась не менее сложной глоттогонией — формированием тюркской речи. Это включило население Саяно-Алтайского нагорья в широкий процесс сложения тюркских языков Центральной Азии» [Киселев, 1949. С. 276–277].

Тюркоязычие здесь представлено аналогично — как результат взаимодействия европеоидного и монголоидного населения, причем, как и в концепции А. Н. Бернштама, тюркский язык возникал всякий раз при подобном взаимодействии — и у кыргызов на Енисее, и у собственно «тюрков» на Алтае.

То, что С. В. Киселев не отнесен нами искусственно к числу сторонников реконструируемой концепции, подтверждает статья ведущего этнографа-сибиревода Л. П. Потапова. Опираясь только на С. В. Киселева, он воспроизвел фактически всю концепцию происхождения тюркоязычия: «Древнейшее население Алтая... относилось к той группе племен, которая, видимо, получила в китайских источниках наименование динлинов. Известное фундаментальное исследование С. В. Киселева „Древняя история Южной Сибири“... вполне убедительно решает вопрос о физическом типе и характере культуры динлинов. Проникновение монголоидного физического типа в Горный Алтай относится к середине I тысячелетия до н. э. <...> Археологический материал дает полную возможность зафиксировать физическое смешение монголоидных пришельцев с местными динлинскими племенами. *Скращение монголоидных племен с динлинами*, разумеется, не ограничивалось физическим смешением. В большой степени оно проявлялось в отношении культуры и языка. Нет никакого сомнения в том, что уже в первых веках нашей эры тюркские языки на Алтае оказались победителями (курсив в цитате мой. — А. С.)» [Потапов, 1952. С. 18–19].

Не менее определенные указания на включенность Л. П. Потапова в то же концептуальное поле обнаруживаются и в написанных им главах «Истории Тувы»: «Под общим названием „динлины“ в летописях фигурируют племе-

на, сходные между собой по образу жизни, ... но, видимо, различные по языку. Несомненно, они включали и тюркоязычные племена. Некоторые современные ученые считают даже, что... термин „динлин“ являлся общим названием именно для тюркоязычных племен... В советской науке высказано мнение... о том, что всюду, где фиксируются заведомо известные тюркские народности, первоначально прослеживается динлинский слой племен...» [История Тувы, 1964. С. 55].

Приведенные данные позволяют, как кажется, наметить, не только косвенную, но и непосредственную связь между концепциями.

В самом общем плане важно подчеркнуть, что все упомянутые авторы были друг с другом хорошо знакомы, находясь одновременно в научном поле Ленинграда и Москвы с начала 1930-х годов.

Если проблемой динлинов Гумилев заинтересовался скорее всего самостоятельно, изучая труды Г. Е. Грумм-Гржимайло или общаясь с ним лично [Гумилев, 1999. С. 16], то включение динлинов в качестве важнейшего, наравне с хорами (древними монголами), элемента в сложение тюркоязычной среды — уже следствие контактов и дискуссий Гумилева с коллегами²⁰.

О характере споров 1930–1940-х годов имеется свидетельство М. И. Артамонова из его ходатайства в прокуратуру (от 19.12.1955) с просьбой

²⁰ Явный параллелизм во взглядах на хоры обнаруживается между Гумилевым и Г. Н. Румянцевым. Еще в кандидатской диссертации Гумилев из хоров выводил род Ашина, считая его монгольским [Гумилев, 1947. С. 11–12]. Для Румянцева хоры — ключевой элемент в концепции этногенеза бурят. Как он считал, элемент «хор» присутствует в этнонимах курыкан и хоринских бурят [Румянцев, 1962. С. 121–128]. Поскольку курыканы китайскими источниками включались в число племен теле, Румянцев попытался доказать общую монголоязычность всех теле [Там же. С. 113–114, 135]. Сходство между концепциями Гумилева и Румянцева не столько в выводах, сколько в самом внимании к древнему тибетскому наименованию монголов — «хор», которое, вслед за В. П. Васильевым [Васильев, 1890. С. 375], оба автора возводили к китайскому «ху» [Румянцев, 1962. С. 127–128]. И в целом удивительно сходен привлекаемый авторами материал (например, идентичны ссылки на Г. Е. Грумм-Гржимайло). Такие схождения могут быть не случайными, поскольку в 1930-е годы и Гумилев, и Румянцев находились одновременно в одной и той же научной среде Ленинграда.

этнических и политических образований. Между тем земледелие издавна существовало в хозяйстве этих племен. Как это видно на алтайском примере, оно могло играть важную преобразующую роль в переломные моменты их истории. В связи с этим заслуживает особого упоминания отмеченная С. П. Толстовым параллель к *türk* в виде кумандинского *tur-an* — железный плуг и чувашского терен — лемех плуга.¹ Может быть, эта древняя языковая параллельность является новым подтверждением значения земледелия на важнейшем этапе сложения алтайских тюрков.

интересно

Рис. 6. «Древняя история Южной Сибири» (с. 496) с пометками Л. Н. Гумилева.

освободить Л. Н. Гумилева из лагерного заключения. В тексте обращения специально подчеркивается: «Л. Н. Гумилев никогда не был сторонником теории Н. Я. Марра и никогда не упускал случая вступить в полемику с марристами... Особенно острыми были столкновения Л. Н. Гумилева с его официальным руководителем акад. Козиным и с проф. А. Н. Бернштамом... Я сам, увлекаясь теорией Н. Я. Марра, неоднократно вступал в теоретические споры с Л. Н. Гумилевым...» [Вспоминания, 2003. С. 333–334].

Какое-то время во второй половине 1940-х годов научным руководителем Гумилева был также С. П. Толстов [Решетов, 2002. С. 25]. Из переписки с П. Н. Савицким известно о спорах Гумилева с С. П. Толстовым в «его директорском кабинете» (письмо Л. Н. Гумилева от 19.12.1956) — очевидно, в Институте этнографии АН СССР.

Имеется свидетельство о подготовке Гумилевым в конце 1940-х годов, возможно, по заказу С. В. Киселева, рецензии на монографию А. Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков» [Смирнов, 2011. С. 358–359]. Рецензия опубликована не была, но общий ее смысл восстанавливается по многочисленным маргиналиям в экземпляре монографии А. Н. Бернштама из личной библиотеки Гумилева [Сараев, 2012. С. 404–406].

Находясь в заключении, Гумилев смог получить второе издание «Древней истории Южной Сибири» С. В. Киселева (Рис. 6), при чтении которого также оставил немало маргиналий, в том числе и при упоминании С. П. Толстова²¹.

²¹ В контексте сравнения чувашского языка с сибирскими тюркскими и выяснения на этом основании происхождения самого названия «тюрк». Ко всему этому Гумилев приписал на полях: «интересно».

В конце 1950-х годов о контактах с С. В. Киселевым Гумилев сообщает в письмах своей матери — А. А. Ахматовой²².

Отношения Гумилева и Л. П. Потапова нельзя назвать конфликтными, хотя они явно проявляли друг к другу взаимный скепсис²³. При этом их общение продолжалось не одно десятилетие, о чем сохранились и прямые сви-

²² Письма от 9 мая и 11 июня 1957 г. Не опубликованы. В первом Гумилев просит А. А. Ахматову «позвонить Сергею Владимировичу Киселеву и достать отзыв. Он очень нужен». На что именно нужен отзыв, не уточняется, но по общему контексту переписки, по-видимому, на рукопись «Хунну». Во втором письме Гумилев сам сообщает о встрече с Киселевым: «В Москве я был 1 час 30 мин. За это время успел повидать С. В. Киселева и дать ему рукопись на окончательный просмотр. Он обещал ее прислать тебе — я дал адрес. Сохрани ее и отзыв до моего возвращения». Сохранился ли этот отзыв, неизвестно.

²³ Печатной взаимной критики между Гумилевым и Л. П. Потаповым не было. Однако, судя по маргиналиям в экземпляре хранящегося в библиотеке музея-квартиры Л. Н. Гумилева макета I тома «Истории Сибири» («Древняя Сибирь». Улан-Удэ, 1964; об этом издании см. [История Сибири, 1968. С. 10]), Гумилев отнесся неодобрительно к написанной Потаповым главе о тюрках. Особенно его возмутило отождествление дили/теле/гаогной с динлинами (с. 376; ср.: [Там же. С. 266–267]). Против этого он возражал не только в личных записях, но и в опубликованных работах [Гумилев, 1959. С. 18–20; Гумилев, 1960. С. 25–27]. Из явных ошибок, отмеченных Гумилевым, в печатное издание (с. 383; ср.: [История Сибири, 1968. С. 270]) перешла атрибуция Мугань-кагана (в тексте «Мухан») как брата (правильно — сын, ср.: [Гумилев, 1967. С. 28, 57; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 83]) основателя первого тюркского каганата Бумына (в тексте «Тумен»). В свою очередь, Потапов в интервью В. А. Тишкову сообщил, что по прочтении «Древних тюрков» («читал... не отрываясь, задыхался от удовольствия») окончательно признал Гумилева «невероятным завиракой» на том основании, что сам «на тюрках собаку съел» [Тишков, 2008. С. 19]. Иных аргументов не приведено.

детельства [Тишков, 2008. С. 19–20; Лев Николаевич Гумилев, 2008. С. 167]²⁴.

К сожалению, имеющиеся факты не позволяют установить, кто первым сформулировал концепцию возникновения тюркоязычия из «скрещения» протомонголов и динлинов. Возможно, она была неким общим итогом многочисленных, и не только упомянутых, дискуссий. В любом случае начало формирования концепции следует отнести еще к довоенному времени. Также нельзя забывать, что генеалогическое древо тюрков по форме копирует схему Н. Я. Марра, широко тиражированную в 1920–1930-е годы. При этом для всех названных авторов более четкие формулировки датируются только второй половиной 1940-х — началом 1950-х годов.

Таким образом, уже невозможно отрицать исходного положения, что воплощенная в схеме из книги «Хунну» концепция сложения тюркоязычия не плод индивидуальных размышлений Л. Н. Гумилева, а синтез идей, распространенных среди советских кочевниковедов (историков, этнографов, археологов) в 30–40-е годы XX в.

Судьба концепции и ее «последователи»

Нерешенным остается вопрос о судьбе концепции: почему ни один из ее авторов не развил свои взгляды дальше кратких формулировок?

Самый простой ответ связан с падением господства марризма в советской гуманитарной науке, произошедшим резко в середине 1950 г. В результате, лингвистика, археология, этнография получили возможность вернуться в свои классические рамки. Зримым подтверждением этого для тюркологии стало появление в 1952 г. первого варианта классификации тюркских языков Н. А. Баскакова [Баскаков, 1952], еще без графической схемы.

Научные парадигмы за короткое время полностью не сменяются, поэтому до середины

1950-х годов продолжалась активная борьба с бывшими сторонниками марровского учения, выливавшаяся зачастую в сведение личных счетов [Конопацкий, 2001. С. 165–166, 190–192, 200–205]²⁵. Последнее заставляло ученых отказываться от еще недавно полностью укладывавшихся в каноны советской науки собственных взглядов²⁶.

По этой же причине в «Очерке истории гуннов» А. Н. Бернштама (1951) почти нет следов опубликованной всего четырем годами ранее концепции²⁷. Однако и оставшихся элементов марризма хватило для разгромной критики [Кызласов, Мерперт, 1952. С. 103, 105, 109; Обсуждение, 1953. С. 321–322, 326; Рафиков, 1952. С. 129].

Даже С. В. Киселев, несмотря на то, что сам встал в первых рядах ниспровергателей марровского учения, во втором издании «Древней истории Южной Сибири» (вышло в 1951 г., менее чем через два года после первого) именно в содержание цитированного выше фрагмента внес некоторые, на первый взгляд, малозаметные правки: «Отмечаемая сложность²⁸ сопро-

²⁵ Автор называет С. В. Киселева «главным инквизитором» за то, что тот возглавил борьбу с «марризмом», стоявшую А. П. Окладникову (в 1949–1950 гг. заведующий ленинградским отделением Института истории материальной культуры АН СССР) руководящей должности в Ленинграде.

²⁶ В день публикации в «Правде» анонса дискуссии вокруг учения Марра (9 мая 1950 г.) С. П. Толстов в ходе лекции в МГУ гневно обрушился на противников марризма, но это была последняя прочитанная им лекция. Не дочитав курса, он спешно прекратил преподавание, а вскоре и оставил заведование кафедрой. Должность директора Института этнографии АН СССР С. П. Толстов сохранил [Пименов, 2015. С. 51–52, 54–59].

²⁷ От былой концепции остались лишь малозаметные отголоски: «Уйбатские чаатасы, видимо, результат скрещения местных племен с сяньбийскими, после чего произошло окончательное выделение из динлинского слоя кыргызских племен. <...> Скрещение племен Центральной Азии с динлинами дало первое кыргызское этническое объединение» [Бернштам, 1951. С. 47–48]. При этом о языке гуннов сообщается уже скорее в духе алтаистики: «Гунны говорили на различных языках и диалектах, из которых позднее развились тюркские и, быть может, монгольские языки. <...> В период владычества гуннского племенного союза складывались тюркские, возможно, и монгольские племена» [Там же. С. 55].

²⁸ В издании 1949 г.: «сложность этногенетического процесса».

²⁴ Характерно, что и в письме Гумилева 1960 г., и в интервью Потапова 1992 г. речь идет об одном и том же эпизоде конца 1940-х годов, связанном с опубликованием одной статьи Гумилева и с задержкой другой.

вождалась не менее сложной глоттогонией — формированием тюркской речи. Это включило население Саяно-Алтайского нагорья в широкий процесс развития²⁹ тюркских языков Центральной Азии» [Киселев, 1951. С. 495].

Как видно, убрано всего одно словосочетание («этногенетический процесс») и заменено одно слово («сложение»). Автор будто бы стремился придать данному отрывку максимально нейтральный смысл взамен прежнего — концептуального.

Что это не просто стилистическая правка, С. В. Киселев признал сам: «Решая вопросы происхождения тюрков Алтая и кыргызов Енисея, я стремился всегда находиться в пределах конкретной истории древних племен... Однако, когда приходилось пользоваться данными языков, я не провел четкой грани между языком и культурой и некритически использовал результаты терминологического анализа Марра и его учеников. В новом издании я постарался это выправить» [Киселев, 1951. С. 4].

В примечании на той же странице Киселев не упустил случая упрекнуть Бернштама в том, что он «даже и теперь остается на позициях „теории“ стадильности, сожалея в своей рецензии (на первое издание. — А. С.) об отсутствии в моей книге „стадий“» [Киселев, 1951. С. 4].

Итак, короткое замечание С. В. Киселева подтверждает все ранее высказанные положения относительно «конвергентной» концепции происхождения тюркоязычия. Во-первых, такая концепция действительно была и действительно находилась в прямой оппозиции к «стадильности». Во-вторых, концепция базировалась, прежде всего, на историческом материале и лишь по необходимости соприкасалась с данными лингвистики, но в эпоху господства учения Марра иной одобряемой терминологии не существовало. В-третьих, с падением «марризма» отпала необходимость маскировки под его идеи (хотя «марризм» С. П. Толстова, А. Н. Бернштама или М. И. Артамонова, безусловно, не был маскировочным), но, в результате, исследователям пришлось менять многое из прежде написанного, в данном конкретном

случае — в концепции происхождения тюркоязычия.

Основная борьба с «марризмом» выпала на время очередного лагерного заключения Л. Н. Гумилева (1949–1956). Для конца 1950-х годов, когда монография «Хунну» готовилась к печати, текстовое изложение концепции выглядело уже анахроничным. С другой стороны, публикация рисунка генеалогического древа, несомненно, свидетельствует, что от заложенной в него идеи Гумилев полностью не отказался.

В конечном счете, все упомянутые взгляды потому и возникли, что лингвистика (и не только марристовская) не могла в свое время предложить удовлетворительного ответа на вопрос о возникновении тюркских языков. Однако отказ от концепции «скрещения» протомонголов и динлинов, создавшего пратюркскую основу, вовсе не означал отказа от исторического подхода в выяснении происхождения тюркоязычия. Главное в историческом подходе не конкретное содержание, а сам механизм построения концепции на основе *экстралингвистических* данных.

Собственно Л. Н. Гумилев на новом этапе (после падения «марризма») первым и задал модель такого подхода, оказав прямое, хотя чаще — косвенное³⁰, влияние на многих коллег.

Выше уже отмечалось, что в статью Гумилева «Три исчезнувших народа» попала фраза из неопубликованной части лагерной рукописи (о том, что Иакинф не был неправ, считая тюрков по происхождению монголами), но ничего другого от концепции генеалогического древа в ней нет.

³⁰ Например, И. Л. Кызласовым независимо от Гумилева, сторонником которого он не является и даже избегает прямых на него ссылок [Кызласов, 2011. С. 15, 135–136], сформулирован принцип исторического подхода к происхождению тюркоязычия. В основе подхода лежит изучение типологии жилищ и их системы отопления [Там же. С. 170, 205–206]. Резко критически эту концепцию оценил А. А. Бурыкин [Бурыкин, 2016. С. 151]. Действительно, в подходе И. Л. Кызласова немало уязвимого для критики. Кроме того, частые отсылки к личным записям Л. Р. Кызласова хотя и важны для истории науки, сами по себе ничего не доказывают. Например, резюме разговора с лингвистом В. М. Надеяевым в 1979 г.: «...халха-монголы — тюрки по происхождению» [Кызласов, 2011. С. 207], — звучит интригующе, но это только мнение.

²⁹ В издании 1949 г.: «сложения».

Однако в статье по-новому сформулирован главный принцип, отсутствовавший в общей форме даже в лагерной рукописи, согласно которому, тюркские народы никогда не имели единого для всех предка: «Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны в самой глубокой древности начиная с III в. до н. э., но термина „тюрк“ тогда еще не существовало. На заре истории (III в. до н. э.) они назывались „хунну“, позднее, в IV–V вв., — „гаогуй“, или „теле“, но эти названия, по-видимому, охватывают не все тюркоязычные племена, так что *единого народа, говорившего по-тюркски, историей не зафиксировано* (курсив мой. — А. С.). Народ, именовавший себя „тюрк“..., сложился в начале VI в. в Монгольском Алтае, причем этот этноним относился не ко всем тюркоязычным племенам, а лишь к небольшому народу, впоследствии захватившему гегемонию в Средней Азии» [Гумилев, 1961. С. 103].

Гумилев развивает здесь собственную идею из кандидатской диссертации: «...необходимо отметить, что в VI веке большая часть тюркоязычных племен... тюрками не называлась. <...> Все эти племена впоследствии стали известны под именем тюрков, но в VI веке тюрками называли небольшой народ, занимавший южные склоны Алтая...» [Гумилев, 1947. С. 8–10]. Отличие заключается только в выделенной выше фразе. Ее наличие в статье 1949 г. (хотя нельзя исключать, что это результат более поздней переработки) косвенно подтверждает, что во время работы над кандидатской диссертацией (1946–1947) готовой концепции сложения тюркоязычия у Гумилева еще не было. И эта фраза — все, что осталось от сформулированной в последующие годы концепции.

Фактически парафраз приведенных отрывков содержится в «Истории хазар» М. И. Артамонова, редактором которой выступил Гумилев: «Тюркоязычные народы, несомненно, существовали с глубокой древности. Они назывались „хунну“, „гаогуй“, „теле“ и другими именами, но эти названия не обнимали всех говорящих на тюркских языках. Только с возникновением обширного Тюркютского каганата, охватившего... подавляющее большинство тюркоязычного на-

селения, термин „тюрк“ приобрел широкое этническое значение» [Артамонов, 1962. С. 103].

В «Древних тюрках» Гумилев, сохраняя уже сформированную позицию, попытался ссылкой на Н. А. Баскакова несколько сблизить ее с алтаистикой: «...происхождение тюркоязычия и возникновение народа, назвавшего себя „тюрк“ = „тюркют“, — явления совершенно разные. Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности (ссылка на «Тюркские языки» Н. А. Баскакова. — А. С.), а народ „тюркют“ возник в конце V в. вследствие этнического смешения... <...> А сама тюркоязычная среда в то время уже успела распространиться далеко на запад от Алтая, в страны, где жили гузы, канглы, или печенеги, древние болгары и гунны» [Гумилев, 1967. С. 25].

Указание на «тюркоязычную среду» до собственно «тюрков» свидетельствует, что Гумилев по-прежнему считал происхождение тюркоязычия «конвергентным», но от детальных разъяснений на этот счет сознательно дистанцировался. Вместо этого в рамках указанного исторического подхода сохранен идущий еще от кандидатской диссертации [Гумилев, 1947. С. 10–13] вывод о смешанном тюрко-монгольском происхождении народа «тюрк». Но это положение касается не происхождения тюркоязычия вообще, а только одного, пусть и «эпонимного», народа³¹.

В конечном счете, применительно к этногенезу отдельных кочевых народов исторический подход в работах С. П. Толстова, Л. Н. Гумилева и М. И. Артамонова трансформировался в «полицентрический». Фокус внимания в нем сместился в сторону объяснения распространения тюркских языков исключительно политическими причинами — господством тюркских каганатов над исходно разноязыким населением в историческую эпоху [Сараев, 2016. С. 143–147]. Следовательно, не говоря о «конвергенции», «конгломеративности» или «скрещении» полицентрический подход по-прежнему отрицал единое происхождение и генетическое родство тюркоязычных народов.

Таким образом, в трудах названных авторов в 1950-е годы произошла значительная коррек-

³¹ См. мою статью: [Сараев, 2023].

тировка взглядов, фактический отказ от целостной концепции конвергентного происхождения тюркоязычия, но при сохранении отдельных ее элементов. Тем удивительнее встречать явные «рецидивы» этой концепции в работах некоторых исследователей вплоть до начала XXI в.

Так, при внимательном изучении статей и монографий С. Г. Кляшторного, особенно поздних, можно выделить практически весь набор положений, некогда составлявших «конвергентную концепцию».

Первое издание совместной монографии С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова открывается развернутым тезисом о «прототюркском субстрате», который представлен как «синтез» двух элементов — европеоидного индоевропейского и монголоидного, почему-то также названного «тюркским»: «Этническая история прототюркского субстрата отмечена синтезом двух групп населения. Одна из них... стала преобладающим населением Поволжья и Казахстана, Алтая и долины Верхнего Енисея. Этническая история этих племен связана с формированием индоевропейских языков... Другая группа племен... имела внутриазиатское происхождение. В их среде преобладали тюркские языки и монголоидный расовый тип. История взаимодействия и слияния обеих групп древнего населения... и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались тюркоязычные этнические общности» [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 5].

Далее несколько подробнее рассматривается механизм взаимодействия двух обозначенных групп, причем «тюрки» как предки «прототюрков» уже исправлены на «алтайцев»: «Проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад началось рано; уже у приаральских ираноязычных саков антропологи фиксируют монголоидную примесь; именно „алтайские“ племена были носителями монголоидного физического типа. Среднеазиатские и приволжские степи в I тыс. до н. э. были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и „алтайских“ племен. Однако, вероятно, лишь после начавшегося на рубеже н. э. движения на запад гуннских племен, в степной зоне

Средней Азии начинают складываться крупные тюркоязычные общности <(пратюрки)>» [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 10]³².

Итак, подобно Гумилеву, С. Г. Кляшторный не находит единого для всех тюркоязычных народов предка, считая прототюркский субстрат результатом синтеза монголоидных «алтайцев», европеоидных иранцев и угров, что также близко идеям С. П. Толстова.

В публикации совместного доклада С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, предшествовавшего выходу их монографии, имеется не менее примечательный фрагмент о характере «прототюркского субстрата»: «К настоящему времени достаточно определенно выявилось различие между „неалтайской“... принадлежностью ранних хунну... и явно конгломератным (выделено мой. — А. С.) позднихуннским сообществом, где преобладали „алтайские“ этнические группы. Именно на периферии империи хунну обозначились в первые века новой эры прототюркские этнополитические образования» [Кляшторный, Савинов, 1990. С. 99]³³.

³² Фрагмент повторяется во многих изданиях, но везде, кроме цитированного, с одним набором опечаток: приаральские саки названы «приуральскими», I тыс. до н. э. заменено на I тыс. н. э. [Кляшторный, Султанов, 1992. С. 52; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 43]. Слово «пратюрки» добавлено в цитату из аналогичного фрагмента в последней прижизненной монографии С. Г. Кляшторного, в остальном содержащей те же опечатки [Кляшторный, 2010. С. 139]. Что это именно опечатки, а цитированный вариант единственно верный, подтверждает похожий отрывок из монографии Л. Т. Яблонского, в библиографии которой, кстати, значится издание [Кляшторный, Савинов, 1994]: «Появление на территории Южного и Восточного Приаралья людей с монголоидной примесью антропологически объективно подтверждает... восточный импульс в процессе формирования культур сакского типа (конец VIII–VII в. до н. э.)...» (курсив мой. — А. С.) [Яблонский, 2017. С. 243].

³³ Вариант фрагмента с заменой хуннов на гуннов см.: [Кляшторный, 2010. С. 199]. Интересно, что в аналогичном контексте слово «конгломерат» прозвучало еще в одном докладе конференции — «Палеоазиаты и этническая история древней Средней Азии» антиковеда В. П. Яйленко. Автор попытался обосновать южное происхождение кетских языков и проследить движение их носителей в Сибирь. Завершается доклад так: «Передвижение енисейцев... на Алтай фиксируется китайской передачей названия отрасли гуннов-ашина Со..., что подтверждает гипотезу Э. Дж. Пул्लиблэнка о вхождении енисейцев в гуннский конгломерат народов в качестве его ядра» (курсив мой. — А. С.) [Проблемы этногенеза, 1988. С. 134].

Если все остальное еще можно было бы списать на счет совпадений в рамках работы над одной и той же тематикой, то применение термина «конгломератный» (важнейшего на этапе оформления концепции в 1930-е годы) окончательно снимает любые сомнения в знакомстве С. Г. Кляшторного с рассматриваемой здесь концепцией.

Не хватает как будто только динлинов. На самом деле, говорится и о них и именно как о пратюрках: «...И. В. Пьянков приходит к обоснованному выводу о динлинах как о ярко выраженных монголоидах... А исследовавший „динлинскую проблему“ Э. Пуллиблэнк замечает, что предками тюркоязычных народов... были только три группы племен — *эгзунни*, или *цзянкуни* (предки енисейских кыргызов), *динлины* и *синьли* (позднейшие *се*, *сир* орхонских памятников)» [Кляшторный, 2010. С. 164].

Важно пояснить, что здесь дважды дана отсылка к Гумилеву, и это не домысел. Название сборника со статьей И. В. Пьянкова «Еще раз к вопросу о динлинах» С. Г. Кляшторный указывает как «Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции. Т. I. СПб., 2002». В действительности, сборник, согласно выходным данным, называется «*Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. (Материалы конференции. Том I)*», поэтому сокращение полного названия лишь до подзаголовка не быть может оправдано экономией места. Закавыченная же в приведенной цитате «динлинская проблема», хотя и отнесена на счет Пуллиблэнка, на самом деле, передает название упоминавшейся статьи Гумилева 1959 г., в печатную версию которой не вошел ключевой для концепции генеалогического древа параграф «Золотой осадок».

Таким образом, здесь далеко не случайное схождение взглядов. С. Г. Кляшторный, несомненно, представлял и общую суть концепции, и роль Гумилева в ее оформлении³⁴, и, несмотря на скрытую с ним полемику, воспроизвел все главные идеи концепции (признание монголоидности динлинов лишь поменяло местами сла-

гаемые). Поэтому утверждение А. А. Бурыкина, что С. Г. Кляшторный «никогда не высказывался против ортодоксальной алтаистики» [Бурыкин, 2016. С. 150], не совсем точно. С. Г. Кляшторный подходил к вопросам «*тюркского глоттогенеза*» (используемый им термин [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 5; Кляшторный, 2010. С. 198]) как историк, и не видел противоречия в том, чтобы при общем признании алтайской теории³⁵ исследовать происхождение тюркоязычия не столько на лингвистическом, сколько на историческом материале.

Фактически смешение взглядов Л. Н. Гумилева, А. Н. Бернштама и С. Г. Кляшторного представлено в монографии И. В. Стеблевой (внутритекстовые ссылки в книге отсутствуют): «Предки тюрков-тугю... происходили от центральноазиатских хунну, этнос которых неизвестен и язык незнаком современной науке, но предполагается, что хунну представляли собой объединение тюрко-монгольских племен, которые смешивались с племенами Саяно-Алтайского нагорья, а во времена массового передвижения на юг, в область Восточного Туркестана, — с его местным населением, по-видимому с согдийцами (ираноязычный народ), чем и объясняется их антропологический тип, имеющий европеоидные черты...» [Стеблева, 2007. С. 9].

Несмотря на то, что книга была издана в 2007 г., об алтайском родстве нет и речи (хотя автор — филолог-тюрколог), а тюркские языки показаны как результат контактов антропологически разнородных племен («племена Саяно-Алтайского нагорья» = динлины).

Что касается взглядов И. В. Пьянкова, то даже если представить, что в своих исследованиях о динлинах он отталкивался исходно не от Гумилева, а, например, от чехословацкого китаевода Ярослава Прушека, на которого значительно больше ссылается, то последний, в свою очередь, опирался именно на С. В. Киселева и

³⁴ Об отношениях Л. Н. Гумилева и С. Г. Кляшторного см.: [Синицын, 2015; Сараев, 2019].

³⁵ Ссылаясь на А. В. Дыбо и И. В. Кормушина, С. Г. Кляшторный указывал: «Я пользуюсь терминологией, определяющей ту или иную эпоху в истории тюркских языков и их носителей, которая выработана группой лингвистов-тюркологов из Института языкознания РАН» [Кляшторный, 2010. С. 138].

Гумилева [Průšek, 1971. P. 84]³⁶. Поскольку Прушека общелингвистический аспект интересовал в меньшей степени³⁷, чем детальный разбор взаиморасположения «варварских» племен по соседству с китайскими княжествами эпохи Чжоу, то и И. В. Пьянков вслед за ним занялся атрибуцией и взаимной корреляцией этнонимов древних кочевников по античным и древнекитайским источникам [Пьянков, 2013. С. 402–425].

Отдельного внимания заслуживает статья бурятского археолога П. Б. Коновалова [Коновалов, 1993. С. 5]. Если бы она вышла не позднее 1950-х годов, ее с полным правом следовало бы включить в число базовых для рассматриваемой концепции. В центре внимания автора анализ генеалогических легенд древних тюрков и монголов, по которым устанавливается общее происхождение тех и других от племен жун, ди и динлин [Коновалов, 1993. С. 18–19]³⁸.

В статье нет ссылок на Л. Н. Гумилева, хотя именно его влияние заметно более всего. Достаточно сравнить утверждение П. Б. Коновалова, что ему «не приходилось встречать в современной литературе вывода» о связях «хойху–уйгуров–теле», «исходя из генеалогической легенды», с монголами [Коновалов, 1993. С. 13], с фрагментами из «Древних тюрков», где анализируются те же легенды [Гумилев, 1967. С. 22–23, 181], чтобы это влияние на авторскую концепцию стало очевидным.

Согласно П. Б. Коновалову: «...они <уйгуры> по мужской линии восходят к протомонголам рода чоно (волк), а по женской — хунну... Значит, хотя теле-уйгуров и считают тюрками, по существу, они — монгольского происхождения. <...> Что же касается тюрков-тукю, то последние по отцовской линии возводятся к хунну, по материнской происходят из рода чоно. Но

³⁶ Прушек склонялся к идее Гумилева о нетождественности ди и динлинов и не опровергал европеоидность последних. И. В. Пьянков, напротив, не только рассматривает «динлин» лишь как множественное число от «ди», но и этноним «жун» считает более древней формой от «ди» [Пьянков, 2013. С. 420, 422].

³⁷ Критикуя большинство гипотез, Прушек в целом принимает взгляды Эдвина Пуллиблэнка о енисейской принадлежности хуннов [Průšek, 1971. P. 13, 16–17]. Этому же взгляду следует И. В. Пьянков, в том числе и через посредство В. П. Яйленко [Пьянков, 2013. С. 421].

³⁸ П. Б. Коновалов придерживается мнения о тождестве ди и динлинов.

именно из чоноцев материнской линии происходила правящая династия Ашина, и символом ее власти было изображение головы волка на знаменах тюрков» [Коновалов, 1993. С. 13].

Гумилев предвосхитил вывод П. Б. Коновалова еще в своей кандидатской диссертации: «Но с языков монгольской группы слово „Ашина“ объяснимо. По-бурятски волк — шоно, по-калмыцки — чино; шина — какой-то средний диалект. А — префикс уважения в китайском языке; таким образом, „Ашина“ переводится как „благородный, уважаемый волк“ — что соответствует известному нам смыслу термина» [Гумилев, 1947. С. 11].

В свою очередь, итоговый вывод П. Б. Коновалова идеально накладывается на рисунок генеалогического древа тюрков: «...на территории Монголии мы вправе видеть картину контактов двух этнических общностей: с запада племен ди прототюркского происхождения, с востока протомонгольских племен; результатом их явилось образование смешанного прототюркско-монгольского субстрата, ставшего основой истории хуннского союза племен, положившего, в свою очередь, начало истории кочевых государств региона» [Коновалов, 1993. С. 27].

Даже вне связи со взглядами Гумилева и других работа П. Б. Коновалова демонстрирует все тот же экстралингвистический подход к изучению происхождения тюрко- и монголоязычия³⁹.

³⁹ Полностью исключать возможность влияния на П. Б. Коновалова идей из рукописей Гумилева нельзя. В музее-квартире Л. Н. Гумилева хранится машинописная копия письма (сверху карандашом написано: «1988 г.»), адресованного некоему «Толмуш ака». Из письма следует, что ранее адресат интересовался мнением Гумилева о романе бурятского писателя И. К. Калашникова «Жестокий век». Основная часть ответа Гумилева посвящена оценке романа: «Безусловно, роман И. Калашникова — лучшее произведение исторической прозы, посвященное Чингис-хану... Я начал заниматься историей монголов в 1930 г. и, находясь в Норильске в 1940 г., по памяти, написал трагедию в стихах: „Смерть князя Джамуги“. Естественно, я допустил несколько неточностей, например, в численности кераитских войск в 1203 г., и с удивлением обнаружил их в романе Калашникова. Видимо, он читал мою рукопись после того, как я ушел добровольцем на войну, в 1944 г., или еще позже». Как видно, Гумилев допускал, что списки с его лагерных рукописей могли ходить по Сибири. О том, что Гумилев из лагеря отправлял копии своих рукописей друзьям и знакомым (посылками или вместе с освобожденными солдатыми), известно из мемуаров о нем [Герштейн, 2002. С. 512, 536].

Если не искать прямой связи с концепцией генеалогического древа тюрков, то число типологически близких подходов к поиску пратюркской среды в позднейшей литературе окажется труднообозримым.

Глобальную концепцию глоттогенеза, напоминающую работу Бедржиха Грозного, выдвинул этнограф П. И. Пучков. Лингвистического материала (кроме названий языковых групп и семей) в ней нет, а есть антропология и миграции европеоидов, от которых выводится большинство языков Евразии. Соответственно, европеоидами П. И. Пучков считал и «алтайцев», замечая, впрочем, дискуссионность выделения «алтайской общности» как единого целого. Продвигаясь со своей прародины «где-то в Средней Азии и примыкающих районах Северного Ирана» на восток, «алтайцы» постепенно приобретали монголоидный облик, а затем, в историческую эпоху, в ходе «реверсивного движения в западном направлении» тюркские народы повторно «впитывали в себя европеоидные элементы» [Пучков, 1988. С. 9–10].

Здесь снова, как и выше в примере со взглядами С. Г. Кляшторного, поменяны местами лишь слагаемые концепции («алтайцами» теперь оказались европеоиды), но результат не изменился. Попытка объяснить антропологическую неоднородность современных тюркоязычных народов привела П. И. Пучкова к той же мысли — об исходной неоднородности пратюрков.

Актуальность, даже более чем сорок лет спустя, цитированных работ С. П. Толстова и А. Н. Бернштама была подтверждена в ходе Всесоюзной конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» (1988). Однако концептуальная основа этих работ, судя по характеру их упоминаний (например, доклады Б. В. Андрианова и Е. Е. Неразик) [Проблемы этногенеза, 1988. С. 10, 93], была уже не во всем ясна.

Так, Б. В. Андрианов критиковал «стадиальную» сторону взглядов А. Н. Бернштама по статье 1947 г. как противоречащую концепции хозяйственно-культурных типов. Е. Е. Неразик и Л. М. Левина, напротив, опирались на тезисы С. П. Толстова об «аральском узле этногенеза»

[Левина, 1990. С. 27], но, опять же, с позиции применения к ним концепции хозяйственно-культурных типов.

Однако эта концепция была разработана лишь в середине 1950-х годов. [Попов, 2017. С. 116] и потому никак не могла определять содержание докладов конференции 1942 г.⁴⁰ Главное, в критике А. Н. Бернштама и, напротив, в поддержке С. П. Толстова равно не учитывалось, что оба разделяли единый подход, основанный на историко-лингвистических, а не этно-географических принципах. Недоучет этого обстоятельства и впредь не позволит объективно анализировать работы археологов и этнографов, написанные с середины 1920-х и до начала 1950-х годов, т. е. в период господства учения Н. Я. Марра.

К сожалению, подобные примеры непонимания со временем будут лишь множиться. Так, современный историограф С. Б. Крих обратил внимание на краткий пересказ ассириологом В. А. Белявским идей Б. Грозного [Крих, 2020. С. 264]. Хотя этот пересказ снабжен необходимыми ссылками [Белявский, 1971. С. 31–32], он вызвал у автора исследования абсолютно неадекватное сравнение с «альтернативной историей» (что идеи исходят от Б. Грозного [Грозный, 1940. С. 43–44], он попросту не понял), а академический журнал «Природа» был включен им в разряд «желтой прессы». Для большей убедительности своей оценки автор нашел возможность упомянуть и Гумилева, впрочем, даже не подозревая, что последний действительно имел отношение к разработке схожей концепции: «Ориентация на популярное изложение... в итоге сыграла с Белявским злую

⁴⁰ Утверждение, что именно С. П. Толстов стоял у истоков концепции хозяйственно-культурных типов [Андрианов, 1985. С. 18], верно лишь отчасти: высказав эту идею однажды [Толстов, 1932. С. 31–33], далее он ее не развивал. Скорее оформление в середине 1950-х годов в концепцию старой идеи начала 1930-х годов было вызвано необходимостью чем-то заменить теоретические установки, базировавшиеся до того на «марризме» (хотя в оригинале эта идея также подавалась наряду с «марристскими» выкладками [Там же. С. 56, 66, 68]). Фактически возрождением старых идей, призванных заменить «марризм», была еще одна выдвинутая в те же годы С. П. Толстовым теория — «первобытной лингвистической непрерывности» [Пименов, 2015. С. 57–58].

шутку: в издательствах уже появился спрос на определенную сенсационность материала, то есть в советской культуре начал формироваться аналог „желтой прессы“..., а выполнение этого заказа было чревато окончательным падением научного престижа. Так... Белявский, базируясь на сопоставлении нескольких слов, решается говорить о едином пранароде, из которого вышли шумеры, селькупы, тюрки и этруски. Заря альтернативной истории вновь засияла теперь уже на закатном небосклоне советской науки. Симптоматично, что последняя опубликованная статья Белявского была написана им в защиту Л. Н. Гумилева» [Крих, 2020. С. 263–264]⁴¹.

Наконец, небезынтересно отметить существование статьи, также косвенно связанной с Л. Н. Гумилевым и с концепцией генеалогического древа тюрков. В сборнике 1984 г., подготовленном сибирскими этнографами и востоковедами, который открывается статьей Гумилева о русско-половецких отношениях, помещена необычная статья корееведа Ю. М. Бутина. Посвящена она целиком анализу генеалогического древа, но не тюрков и монголов, а корейцев и маньчжуров (в рамках той же алтайской семьи). Хотя исследуемая в статье схема [Бутин, 1984. С. 39], составленная южнокорейским ученым Ким Джонгвоном, не может иметь прямой связи со схемой Гумилева, она аналогично объ-

единяет народы разных языковых групп, показывая их сложные взаимосвязи (Рис. 7).

Вот что говорит автор статьи: «Среди таких схем своим углублением в древность выделяется „генеалогическое древо“ маньчжур и корейцев, приведенное в приложении к одному из современных изданий корейской средневековой хроники „Самгук саги“ [Бутин, 1984. С. 38]. К сожалению, к данной схеме не прилагаются никакие текстуальные комментарии, и поэтому в ряде случаев приходится только догадываться, что имел в виду автор (курсив мой. — А. С.), показывая те или иные связи между древними народами и государствами. Сплошные прямые линии схемы обозначают, как представляется, не только территориальную, но и этногенетическую близость или преемственность... Пунктирные линии говорят о территориальной близости или постоянных контактах» [Бутин, 1984. С. 40].

В статье нет ссылок на генеалогическое древо из книги «Хунну», но удивительным образом и по отмеченному отсутствию комментария к корейской схеме в оригинальном издании, и по подходу самого Ю. М. Бутина к анализу схемы обнаруживается полное совпадение с проделанной в настоящей статье работой. В определенном смысле данный пример подтверждает, что в случае с генеалогическим древом тюрков невозможно все списывать на одно лишь влияние «марризма», которое для Южной Кореи предположить было бы крайне сложно. Тем не менее, концепция «конвергентного» этно-лингвистического родства независимо от разработанной советскими авторами и на ином материале там возникла. Значит, для подобных концепций действительно имелись объективные предпосылки.

Заключение

Опубликованная в книге Л. Н. Гумилева «Хунну» схема генеалогического древа тюрков и неопубликованное к ней пояснение позволили выявить целую группу концепций, возникших в среде советских историков и этнографов в 1930–1940-е годы. Условно их можно назвать «конвергентными концепциями» происхождения тюркоязычия.

⁴¹ Автор, как это нередко бывает, стал заложником собственной концепции. Стремясь наполнить книгу о «периферийных» советских историках древности конкретным содержанием, он отказался от сугубо географического критерия, зачислив в «периферию» всех, кого определил как «проигравших» [Крих, 2020. С. 5, 15–16]. Отсюда и явное нежелание вникать в детали работ этих «неудачников». В противном случае, не оказался бы лишь в качестве приложения к рассказу о В. А. Белявском известный антиковед Л. А. Ельницкий, а его монография «Скифия евразийских степей», — схожая по замыслу с работой Прушека и опирающаяся, хотя и в ином аспекте, на рассматриваемые здесь труды Л. Н. Гумилева, А. Н. Бернштама, С. П. Толстова, С. В. Киселева, — не была бы названа «научно-популярной» (это при тираже 2800 экземпляров) и написанной ради гонорара [Там же. С. 255]. Вероятно, если бы автор знал об экземпляре этой монографии с дарственной надписью «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Гумилеву от автора <подпись> 9/1.78», он бы и Л. А. Ельницкого записал в число деятелей «альтернативной истории».

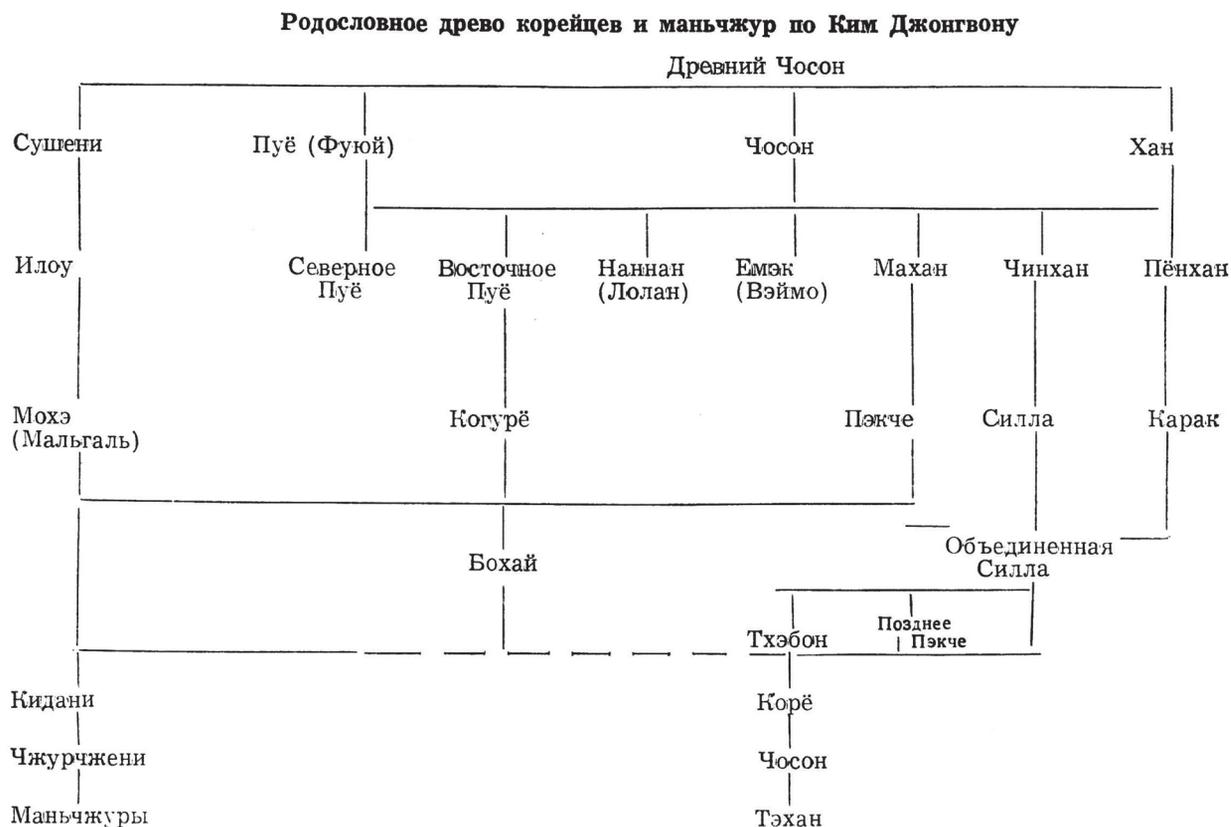

Рис. 7. «Родословное древо корейцев и маньчжур по Ким Джонгвону» [Бутин, 1984. С. 39].

«Конвергентные концепции» нельзя однозначно отнести ни к «марризму» (несмотря на использование соответствующей терминологии, чего нельзя было избежать в годы господства этого учения), ни к алтаистике. Перед нами ряд вполне независимых попыток сформулировать проблему происхождения тюркоязычия в рамках изучения истории тюркских народов. Поскольку «пратюркок», от которых могли бы произойти столь разные зафиксированные письменными источниками раннетюркские народы, представить было сложно, на роль медиатора сложения тюркоязычия разными авторами удивительно солидарно были избраны загадочные динлины. Именно контакты с динлинами должны были придать монголо-тунгусским аборигенам Южной Сибири и Центральной Азии смешанный европеоидно-монголоидный облик и тюркскую речь.

По разным причинам ни один из рассмотренных авторов не довел свои, зачастую высказанные лишь тезисно, идеи до оформленной

и опубликованной концепции. После изгнания «марризма» из советской науки в начале 1950-х годов это стало просто невозможным.

Однако не только публикация Л. Н. Гумилевым своей схемы в 1960 г., но и более поздние «рецидивы» аналогичных взглядов показывают, что помимо лингвистических споров алтаистов и их противников всю вторую половину XX в. продолжал свое существование «третий путь» — исторический подход к исследованию происхождения тюркоязычия, основанный на археологии, антропологии, этнографии.

Таким образом, даже в недосказанной форме взгляды исследователей 30–40-х годов XX в. в какой-то мере определили и последующее развитие историографии изучения ранних этапов сложения тюрко-монгольских общностей в евразийских степях.

Взгляды, сформированные в первые десятилетия XX в., говоря словами Б. Я. Владимирцова, представляют собой «исторический этап, пройденный уже одной отраслью знания,

на который, во всяком случае, не следует возвращаться, но который всегда следует иметь в виду» [Владимирцов, 2005а. С. 99]. Поэтому

было бы желательно дальнейшее изучение и выявление возможно большего числа основоположников и последователей «конвергентных концепций» возникновения тюркоязычия.

Использованная литература

Александр Николаевич Самойлович, 2008: Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография / Сост., автор статей и биографии Г. Ф. Благова. М.: Вост. лит., 2008.

Алпатов, 2011: Алпатов В. М. Еще раз об алтайской проблеме // Тюркологический сборник. 2009–2010. М.: Вост. лит., 2011. С. 25–32.

Алпатов, 2013: Алпатов В. М. Новое учение о языке // Большая российская энциклопедия. Т. 23. М., 2013.

Андрианов, 1985: Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985.

Артамонов, 1962: Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Баскаков, 1952: Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1952. Т. XI. Вып. 2. С. 121–134.

Баскаков, 1960: Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: ИВЛ, 1960.

Баскаков, 1964: Баскаков Н. А. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). Отдельный оттиск. М., 1964.

Баскаков, 1981: Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981.

Белявский, 1971: Белявский В. А. Challenge and Response или способ производства? // Природа. 1971. № 12. С. 26–33.

Бернштам, 1935: Бернштам А. Н. Происхождение турок. К постановке проблемы // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 43–54.

Бернштам, 1947: Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 148–158.

Бернштам, 1951: Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951.

Благова, 2008: Благова Г. Ф. Новая тюркология и новое учение о языке: А.Н. Самойлович и Н.Я. Марр // Александр Николаевич Самойлович: научная переписка, биография. М.: Вост. лит., 2008. С. 530–545.

Бурькин, 2016: Бурькин А. А. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин // Тюрко-монгольский мир в прошлом

и настоящем. Материалы научной конференции памяти С.Г. Кляшторного (1928–2014). СПб.; Улан-Батор, 2016. С. 138–152.

Бутин, 1984: Бутин Ю. М. К проблеме происхождения корейцев и маньчжур // Проблемы реконструкций в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 38–55.

Васильев, 1890: Васильев В. П. К хронологии Чингисхана и его преемников // Записки восточного отделения Русского археологического общества. Т. IV. 1889. СПб., 1890. С. 375–378.

Владимирцов, 1920: Владимирцов Б. Я. Монгольская литература // Литература Востока. Вып. II. Петербург: Госиздат, 1920. С. 90–115.

Владимирцов, 1929: Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л.: Издание ЛВИ им. А. С. Енукидзе, 1929.

Владимирцов, 2005а: Владимирцов Б. Я. И. Н. Березин — монголист // Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005.

Владимирцов, 2005б: Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005.

Вспомяная, 2003: Вспомяная Л. Н. Гумилева. СПб.: Росток, 2003.

Герштейн, 2002: Герштейн Э. Мемуары. М.: Захаров, 2002.

Грозный, 1940: Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 24–45.

Гумилев, 1947: Гумилев Л. Н. Подробная политическая история первого тюркского каганата. 546–659 гг. Л., 1947. (Машинопись кандидатской диссертации.)

Гумилев, 1959: Гумилев Л. Н. Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического общества. 1959. Т. 91. Вып. 1. С. 17–26.

Гумилев, 1960: Гумилев Л. Н. Хунну. М.: ИВЛ, 1960.

Гумилев, 1961: Гумилев Л. Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. Вып. II. М., 1961. С. 103–113.

Гумилев, 1967: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Гумилев, 1970: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970.

- Гумилев, 1999: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. В 2-х книгах. Кн. 1. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999.
- Гумилев, 2007: *Гумилев Л. Н.* Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-Пресс, 2007.
- Гумилев, 2012: Л. Н. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГА; НОКО, 2012.
- Гумилев, 2008: *Лев Николаевич Гумилев.* Письма к матери брата, О. Н. Высотской, другу, В. Н. Абросову и брату, О. Н. Высотскому (1945–1991) / [сост. Г. М. Прохоров]. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008.
- Дыбо, 2005а: *Дыбо А. В.* Алтайские языки // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М., 2005.
- Дыбо, 2005б: *Дыбо А. В.* Алтаистика // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М., 2005.
- Дыбо, 2007: *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М.: Вост. лит., 2007.
- Егоров, 2025: *Егоров Н. И., Туймебаев Ж. К.* Этюды к методологии изучения тюркской палеоистории. Алматы: Қазақ университеті, 2025.
- История Сибири, 1968: *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* Т. I. Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968.
- История Тувы, 1964: *История Тувы.* Т. I. М.: Наука, 1964.
- Киселев, 1949: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Киселев, 1951: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Кляшторный, 1983: *Кляшторный С. Г.* Новые эпиграфические работы в Монголии (1969–1976 гг.) // *История и культура Центральной Азии.* М.: Наука, 1983. С. 112–133.
- Кляшторный, 2010: *Кляшторный С. Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.
- Кляшторный, Савинов, 1990: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Древнетюркские этнополитические объединения и их роль в этногенезе Средней Азии и Казахстана // *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.* Вып. I. Общие проблемы. М., 1990. С. 98–104.
- Кляшторный, Савинов, 1994: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994.
- Кляшторный, Савинов, 2005: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Кляшторный, Султанов, 1992: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан — летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.
- Коновалов, 1993: *Коновалов П. Б.* К истокам этнической истории тюрков и монголов // *Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии.* Новосибирск: Наука, 1993. С. 5–29.
- Кононов, 1980: *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л.: Наука, 1980.
- Конопацкий, 2001: *Конопацкий А. К.* Прошло-го великий следопыт: Академик А. П. Окладников. Страницы биографии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Кормушин, 2020: *Кормушин И. В.* Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера // URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/stories/conferences/4th_conference_turkic_mongol_world_2020_program_abstracts.pdf (дата обращения: 5.01.2026).
- Крих, 2020: *Крих С. Б.* Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Кузьменков, 1993: *Кузьменков Е. А.* Монгольская базисная лексика в «Сокровенном Сказании» // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания».* М.: Вост. лит., 1993. С. 328–340.
- Кызласов, 2011: *Кызласов И. Л.* Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011.
- Кызласов, 2006: *Кызласов Л. Р.* Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит., 2006.
- Кызласов, Мерперт, 1952: *Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я.* [Рец. на:] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951 // *Вестник древней истории.* 1952. № 1. С. 101–109.
- Левина, 1990: *Левина Л. М.* Памятники джетысарской культуры в свете этнической истории Средней Азии // *Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.* Вып. II. История и археология. М., 1990. С. 27–36.
- Марр, 1934: *Марр Н. Я.* К 50-летию смерти Карла Маркса // *Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций.* М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
- Марр, 1936: *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. II. М.; Л.: Соцэкгиз, 1936.
- Мудрак, 2002: *Мудрак О. А.* Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики // *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции.* М.: Наука, 2002. С. 713–737.
- Обсуждение, 1953: *Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов»* // *Советская археология.* Т. XVII. 1953. С. 320–326.
- Пименов, 2015: *Пименов В. В.* Моя профессия — этнограф. СПб.: Аврора, 2015.
- Пиотровский, 1995: *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995.
- Письма, 2009: *Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву. 1960–1962 годы* // *Геополитика и безопасность.* 2009. № 4. С. 120–138.

- Попов, 2017: *Попов В. А.* Хозяйственно-культурный тип // Большая российская энциклопедия. Т. 34. М., 2017.
- Поппе, 1925а: *Поппе Н. Н.* О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. Чебоксары, 1925.
- Поппе, 1925б: *Поппе Н. Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. IV. // Известия РАН. 1925. Серия VI. Т. 19. Вып. 9–11. С. 405–426.
- Потапов, 1952: *Потапов Л. П.* Очерк этногенеза южных алтайцев // Советская этнография. 1952. № 3. С. 16–35.
- Поцелуевский, 1970: *Поцелуевский Е. А.* Алтайские языки // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 1. М., 1970.
- Проблемы этногенеза, 1988: Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов всесоюзной конференции (20–23 ноября 1988 г.). М., 1988.
- Пучков, 1988: *Пучков П. И.* Некоторые проблемы протоэтногенеза // Исчезнувшие народы. М.: Наука, 1988. С. 3–19.
- Пьянков, 2013: *Пьянков И. В.* Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013.
- Рафиков, 1952: *Рафиков А. Х.* [Рец. на:] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 126–131.
- Решетов, 2002: *Решетов А. М.* Наказание без преступления: из биографии Л. Н. Гумилева 1930–1956 гг. // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. (Материалы конференции. Том 1). СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 23–27.
- Румянцев, 1962: *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962.
- Сараев, 2012а: *Сараев А. С.* Историко-географический синтез в кочевниковедческих работах Л. Н. Гумилева // Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. СПб., 2012. С. 400–411.
- Сараев, 2012б: *Сараев А. С.* Проблема этнокультурной преемственности кочевых народов Евразии // Наследие Л. Н. Гумилева и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 495–507.
- Сараев, 2016: *Сараев А. С.* Огуро/огузская проблема в работах С. Г. Кляшторного и историографии // Тюркологический сборник 2013–2014: Памяти С. Г. Кляшторного. М.: Наука, Вост. лит., 2016. С. 135–158.
- Сараев, 2019: *Сараев А. С.* С. Г. Кляшторный и Л. Н. Гумилев (по материалам музея-квартиры Л. Н. Гумилева и личным беседам с С. Г. Кляшторным) // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С. Г. Кляшторного. М.: Наука, Вост. лит., 2019. С. 155–178.
- Сараев, 2023: *Сараев А. С.* Сколько этносов «тюрк» существовало в эпоху тюркских каганатов? (Три концепции С. Г. Кляшторного и незамеченная концепция Л. Н. Гумилева) // Mongolica. 2023. Т. XXVI. № 4. С. 54–73.
- Сессия, 1947: Сессия по этногенезу Средней Азии // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 301.
- Синицын, 2015: *Синицын А. А.* О начале археологического пути Сергея Григорьевича Кляшторного // Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015): Археология, история, культура (ЗВОРАО. Нов. сер. Т. III). СПб.: Контраст, 2015. С. 840–879.
- Скрещение, 1956: Скрещение языков // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 9. М., 1956.
- Скрынникова, 2019: *Скрынникова Т. Д.* Значение двойных этнонимов в тюрко-монгольском мире // Тюрко-монгольский мир: история и культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С. Г. Кляшторного. М.: Наука, Вост. лит., 2019. С. 179–185.
- Смирнов, 2011: *Смирнов Н. Ю.* Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А. Н. Бернштама) // Археологические вести. Вып. 17. СПб., 2011. С. 353–365.
- Стеблева, 2007: *Стеблева И. В.* Жизнь и литература доисламских тюрков. Историко-культурный контекст древнетюркской литературы. М.: Вост. лит., 2007.
- Сто языков, 2018: Сто языков. Вселенная слов и смыслов / М. А. Кронгауз, А. Ч. Пиперски, А. А. Солин и др. М.: АСТ, Lingua, 2018.
- Тишков, 2008: *Тишков В. А.* Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008.
- Толстов, 1932: *Толстов С. П.* Очерки первоначального ислама // Советская этнография. 1932. № 2. С. 24–82.
- Толстов, 1938: *Толстов С. П.* Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 176–203.
- Толстов, 1946: *Толстов С. П.* Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 3–11.
- Толстов, 1947: *Толстов С. П.* Аральский узел этногонического процесса // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 308–310.
- Худяков, 1935: *Худяков М. Г.* Графические схемы исторического процесса в трудах Н. Я. Марра // Советская этнография. 1935. № 1. С. 18–42.
- Шнирельман, 2016: *Шнирельман В. А.* Междисциплинарный подход и этногенез // URL: <http://>

генофонд.рф/?page_id=8463 (дата обращения: 05.01.2026).

Шор, 1928: *Шор Р.* Ветвь языка // Большая советская энциклопедия. Т. 10. М., 1928.

Яблонский, 2017: *Яблонский Л. Т.* На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017.

Pelliot, 1931: *Pelliot P.* La Haute Asie. [Paris, 1931].

Průšek, 1971: *Průšek J.* Chinese statelets and the northern barbarians in the period 1400–300 B.C. Dordrecht: D. Reidel Publ., 1971.

THE ORIGIN OF THE TURKIC LANGUAGES ACCORDING TO THE SOVIET HISTORIANS OF THE NOMADISM

Andrey S. SARAEV

Chuvash State Institute of Humanities

The scheme called “A genealogical tree of the Turks before the 5th century CE” published in Lev N. Gumilev’s book “Khunnu” (Moscow, 1960) gives a clue to an earlier unidentified group of theories which deals with the origin of the Turkic-spoken milieu. Their principal idea was that the Turkic languages had begun as somewhat like a pidgin. Turkic languages had emerged as a result of contacts between Proto-Mongols of the Central Asia and so-called “Ting-ling”, a people known only from the ancient Chinese chronicles that is considered as the Europoids of the South Siberia in the last centuries BCE. In the 1930–1940s these theories represented an attempt of several nomadologists from Leningrad and Moscow (Sergey P. Tolstov, Aleksandr N. Bernshtam, Lev N. Gumilev, Sergey V. Kiselev) to quit the contradictions of the early “Altaic theory” and the official soviet “Japhetic theory” of Nikolay Ya. Marr.

Key words: Turkic languages, Altaic studies, Ting-ling, proto-mongols, Japhetic theory, Lev Gumilev, Sergey Tolstov, Aleksandr Bernshtam, Leonid Potapov.

About the author: **Andrey S. SARAEV**, Cand. Sci. (History), Researcher, Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russian Federation) (andrejsaraev@yandex.ru). ORCID: 0009-0005-4564-0903.